

Инъекция

Кейси Доуз

18+

Кейси Доуз

Инъекция

«Автор»

2021

Доуз К. Э.

Иньекция / К. Э. Доуз — «Автор», 2021

Томас с детства тяжело болен - он не может прожить и суток без лекарственной инъекции. После гибели отца Тому приходится переехать к бабушке, которая напрочь игнорирует его присутствие. Со всеми остальными родственниками отца у парня такие же натянутые отношения. Проходит время и Тому начинает казаться, что за странным поведением родственников кроется какая-то тайна. Тайна, связанная с его инъекцией..

© Доуз К. Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ПРОЛОГ.	6
10 лет назад.	6
Глава 1.	7
Наши дни.	7
Глава 2.	26
Глава 3.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кейси Доуз

Инъекция

- Виктор, вы говорили, что все это ради жизни?..
- Ради того, что важнее жизни.
- (с) Виктор Франкенштейн

ПРОЛОГ.

10 лет назад.

Я стоял перед отцом и с любопытством наблюдал за ним. Он должен дать мне подарок – по крайней мере, именно это он пообещал, когда пару минут назад удалился в комнату. Теперь он стоял и одну руку прятал за спину, в его глазах светились огоньки, а на губах играла улыбка.

Это редкость.

Папа редко улыбается, но может, дело в том, что сегодня мое седьмое день рождения? Через месяц я пойду в школу. В самую лучшую – так он обещал. Он частенько говорил, что в государственных шарагах все суют свои носы куда не надо, думая, будто бы личная жизнь школьников является частью их обязанностей, зато в частных лицеях все по-другому.

Не знаю, почему папа так был этим озабочен.

Мне нечего было скрывать и прятать, но может, он смотрел наперед. Я слышал, что крутые парни постарше обязательно обзаводятся девчонками, потому что это круто. Только я не знал, почему это круто.

Может, я и не знал, потому что они учились в частных лицеях, где никто не сует носы в чужие дела и потому никто так и не узнал, зачем крутым парням девчонки?

Если так, то это круто.

Наверное.

Наконец, рука отца за спиной дрогнула, будто бы ему было непосильно сложно удерживать ее на весу. Я с любопытством постарался заглянуть ему за спину, и папу порадовал мой интерес, однако он сделал шаг левее, так и не давая мне увидеть, что же там за подарок.

– На этот день рождение, Томми, я подарю тебе кое-что особенное.

Улыбка отца стала еще шире и я невольно улыбнулся в ответ, в нетерпении подпрыгивая на месте. Все мое тело тряслось от предвкушения.

Что же там?

Может, шенок которого я так долго просил вот уже на протяжении двух лет?

– Это будет кое-что очень важное – продолжил он – кое-что очень значимое, понимаешь меня?

Я кивнул, хоть и не понимал. Положительный ответ, вероятнее, мог приблизить меня скорее к подарку.

– Это здоровье. Я подарю тебе здоровье, сынок, и это самое дорогое, что я когда-либо мог тебе подарить..

Наконец, папа вытащил из-за спины шприц. Он был наполнен чем-то зеленым и я опасливо сделал шаг назад.

Я боялся уколов.

– Это мой подарок. Подойди ко мне.

Глава 1.

Наши дни.

-1-

Я тащил свой дорогуший чемодан, полный дорогушего шмотья, чтобы закинуть его в дом, который не стоит и десятой части от него, где мне предстоит занять комнату, что не имеет и десятой части в себе от общей площади дома.

Пожалуй, этот чемодан и эти шмотки – последнее, что у меня осталось от прошлой жизни.

Ну, и еще кое-что.

В остальном меня сбагрили на шею бабушки, которую я видел третий раз в жизни. По логике, которой, очевидно, руководствовался отец, перед тем как написать завещание да склеить ласты в автокатастрофе, его брат – мой долбаный дядя Генри – должен был содержать меня вплоть до совершеннолетия. А именно оставшиеся пару месяцев.

И не просто содержать – а вести в порядке отцовские дела, дабы, когда я вступил в наследство, у меня было все окей. Но дядя Генри решил иначе и очень быстро всяческими окольными путями, переписью имущества на подставных людей и бла-бла-бла куда-то отписал все мое наследство, да так грамотно, что черт ногу сломит искать все удочки.

Якобы, бизнес, успешно работавший и лишь умножавший капитал последние пятнадцать лет – резко дал слабину, я банкрот, и все мое имущество теперь – лишь долги, взявшиеся не пойми откуда.

Ловко, ничего не скажешь.

А то, что он на какие-то деньги неожиданно купил себе пентхаус да клевою тачку, работая простым менеджером среднего звена – конечно же не имеет к этому никакого отношения. Он конечно же, выиграл лотерею или что там такое.

Дом отца продали, якобы за те самые долги, бумажное подтверждение которым я так и не увидел. Да и кто бы стал распинаться перед несовершеннолетним? За все это пока отвечал дядя Генри, как мой официальный опекун, и он заявил, что мол так и так все есть на самом деле, и все в порядке. Вернее, не в порядке, но это не имеет значения.

Таким вот образом за вшивых пару месяцев из наследника нефтяной компании я превратился в обычного Тома Дьюэда, чье состояние на текущий момент равнялось минус нулю, а чемодан, который мои худощавые руки с трудом тащили за собой – остался моим единственным недвижимым имуществом. Или движимым, раз я его сейчас волок?

Шутки за триста.

Собственно, дядюшке я быстро не сдался, едва он провернул все свои незамысловатые схемы, и потому теперь я прикатил к бабушке по его наказу. Он заявил, что здесь я могу жить до совершеннолетия, и потом, сколько мне вздумается. И так и быть, он, благородный дядя Генри, в знак памяти о моем отце, оплатит мне какой-нибудь недорогой колледж для дальнейшего обучения.

За деньги моего же отца – но об этом мы тактично молчим.

Недорогой колледж – как я признателен. Интересно, а куда пойдет через пару лет его бегемотоподобная дочурка? В Ель? В Гарвард? Или сразу Оксфорд? А быть может, ей и не надо будет учиться – за деньги моего папаши ей наконец откачают весь жир, подтянут лицо,

чтобы глаза и нос находились там, где им и полагается, а не в области третьего подбородка, она удачно выйдет замуж и вообще никогда не будет работать.

Не знаю.

Я остановился перед домом бабушки. Глянул на часы на запястье – тоже еще один знак моей прежней жизни. Сдается мне, если так пойдет, то в скорости мне придется заложить их в ломбард, как ноутбук и еще что-нибудь, дабы самому оплатить себе нормальный, а не «какой-нибудь» колледж. А быть может, я заложу их еще раньше – просто, чтобы нормально прожить.

Большая стрелка верно подбирается к полудню.

Ага, значит у меня есть еще четверть часа, чтобы ознакомиться с домом, забраться в свою комнату, плотно закрыть дверь (надеюсь, там будут засовы) и остаться наедине с собой.

Четверть часа. Двадцать минут.

Не меньше.

Я поспешно дернул рукав кожаной куртки ниже, закрывая часы, и последним рывком перетащил чемодан через крыльцо, трижды стукнув в дверь.

-2-

Чандлер, Аризона.

К этому городишке, в котором нет и четверти от миллиона населения, мне довольно сложно привыкнуть после моего ЛА, в котором я провел всю свою жизнь. Постоянно кипит жизнь, кипит кровь и все такое прочее.

Если бы Чандлер мог что-то вскипятить – то только мои мозги.

Бабушка оказалась женщиной, да хвала господу, не болтливой. Если честно, вообще не представляю, о чем мы с ней вообще могли поговорить. Она меня видела дважды, я ее дважды – оба раза она приезжала к отцу в ЛА и оба раза уезжала со скандалом. Я никогда не мог понять причины их скандалов, но кажется, он никогда не занимал ей денег.

Видимо, Генри был любимым из сынков, раз по его просьбе меня здесь все-таки приняли. Однако, на то, что станут здесь терпеть и после совершеннолетия, когда его обязанности на счет моего опекунства закончатся – рассчитывать не стоило.

– Привет, Тед, твоя комната наверху – вот и все, что она мне сказала.

Я поставил чемодан после своих ног, чтобы отдышаться, и неохотно заметил, как бы формальности ради:

– Я Том, бабушка.

– Да-да, Тод, я так и сказала.. – и она уже скрылась на кухне.

Я глянул на часы.

Кажется, я более, чем уложусь вовремя.

Я потянул свой чемодан наверх, с трудом справившись с лесенками, как запахло чем-то жареным. Нет, серьезно, прям чем-то горелым.

Я остановился, втянул воздух сильнее – может показалось?

Нет, не показалось.

– Бабушка – я крикнул вниз, так как преодолел уже большую часть лестничного проема – кажется, у тебя что-то горит?

– Да-да, твои панкейки почти готовы.

Отлично.

Спасибо, бабушка, что пыталась меня накормить, но пожалуй без горелых подошв я как-нибудь переживу. Поем в ближайшем кафе. И кажется, закладывать вещи мне придется гораздо раньше, чем я мог предположить.

Я забрался в комнату и закрыл дверь.

Засова не было, но и что-то, отдаленно напоминающее щеколду, меня вполне устраивало. Я клацнул ее вправо и дернул дверь на себя, на всякий случай. Не поддалась, отлично.

Кто знает – в таком доме она запросто могла вылететь из пазов и дверь бы открылась. Может, она уже отлетала, да ее клеем обратно присобачили, чтобы на мастера не тратиться?

В моей школе всегда ходила пресловутая поговорка «голень на выдумки хитра». Ею постоянно доставалось девчонке, что каким-то образом умудрилась оказаться в нашем частной лицее, но постоянно ходила в каких-то рубашках с подвёрнутыми рукавами, или штанами, что каким-то образом удлинялись с помощью подкладок по мере ее роста.

Каким макаром такое семейство могло себе позволить солидную годовую сумму на наше заведение – я до сих пор не знаю, но хорошо усвоил тот факт, что «голень» и правда хитра на выдумки.

Удостоверившись, что бабушка при всем желании не сможет неожиданно зайти ко мне в комнату, я расстегнул чемодан. Первая его половина и правда была занята шмотками, которые я тут же небрежно вышвырнул на пол.

Глянул на часы – у меня осталось три минуты.

В самом низу, на дне, как раз и лежало то, что так тяжелило чемодан. Большой металлический кейс с кодовым замком, о котором знали лишь отец и я. Даже дядя Генри о нем так ничего и не узнал. Он до сих пор не знает, что он существует, для чего он, или что я утащил его с собой.

Я тоже ловок, когда надо.

Я ввел комбинацию цифр «81463» и кейс глухо щелкнул, позволяя себя открыть. Мне предстало шестнадцать капсул с бесцветным, но вязким раствором. Рядом лежал шприц, и необходимая атрибутика для самостоятельной инъекции.

Я достал шприц, загрузил содержимое одной капсулы в него. Трижды стукнул по основанию, как учил отец. Вылил немного спирта на изгиб, наскоро и протер и под нужным углом отработанным движением погрузил длинную иглу под кожу.

Пара мгновений – и вязкая субстанция ушла мне в кровь.

Глянул на часы.

Отлично, теперь у меня есть новых двадцать четыре часа до следующей инъекции.

-3-

В школе Чандлера мне было непривычно появляться даже в самый первый день. Когда я – выпускник, как полный придурок притащился с целой охапкой учебников, подобно какому-то первоклашке. Я понятия не имел, как тут заведено – у нас в лицее мы вообще не таскали книги. Все пособия у нас были по умолчанию загружены в айпадах, как и электронные тетради, в которых мы выполняли задания.

Зачастую заместо уроков мы связывались по видео-конференции, но иногда приходили и в школу. Наш лицей – было идеальное место для богатеньких социопатов.

Я подозревал, что в этой обычной бюджетной шарашке будет несколько иначе, и едва ли мы будем изучать программу по последней версии усовершенствованного пособия, загруженного в айпад, но не подозревал, что выпускной класс здесь так же не таскает учебники. Но не потому, что они есть в гаджетах – а просто потому, что им так нравится.

Вместо учебников и тетрадей – какие-то похужлые блокноты для всех предметов, исписанные всякой похабщиной, и запасной лист, на тот случай, если препод пройдет мимо – на котором ровным почерком выверены формулы и какие-то предложения. Полная ахинея – но если не присматриваться, то канает.

– Эй, мажорчик, ты типо книгочей? – какой-то амбал заготовил и ударил рукой под низ моей кипы учебников, которые я пытался донести до своего шкафчика.

Естественно, в следующий миг эта куча с грохотом завалилась на пол, и я раздраженно вздохнул, не спеша опускаться и поднимать ее.

Я посмотрел на этого идиота, который выбил их у меня из рук и только и ждал, чтобы я накинулся, чтобы отмузить меня, как следует. Злой бойцовый бес – но совершенно лишенный мозгов. Однажды ему предстоит стать чьей-то отменной сторожевой собакой. Чьей-то, у кого есть мозги.

Амбал продолжал пялиться на меня, играя мускулами. Подружка рядом с ним хихикала, его друзья гоготали, но я не реагировал.

Тогда он решил пойти иначе и склонил голову, глумясь еще сильнее:

– Я слышал, ты приперся к нам из ЛА. Что, твой богатенький папаша сдох и ни черта тебе не оставил? Хреново, наверное, быть дворняжкой, которую чествовали только при хозяине?

– Ты ответь – я все же показал ему средний палец – хотя, как ты сможешь. Ведь должно быть, с чем сравнивать – а ты уже родился дворняжкой. Какая жалость! Скажи, а твой папаша вообще в семье или тебя давно дрючит дружок твоей мамы?

Лицо амбала ожесточилось.

О. Да ну нафиг. Неужели попал?

Одна эта догадка вызвала во мне неосмотрительную ухмылку. Раскаченный идиот, не долго думая, тут же двинул меня в челюсть, а когда я, падая и цепляясь за шкафчики, все-таки опустился на пол – принялся избивать ногами, бормоча что-то про свою мамашу, моего отца и то, как он меня отдерет, если я позволю себе такое хоть еще один раз.

Хотелось спросить о его ориентации при наличии подобных мыслей, но я решил, что этот подкол будет для него слишком интеллектуален, а мне обойдется слишком дорого.

Потому лишь закрыл голову руками и скукожился в позе эмбриона, дожидаясь, пока ему надоеет меня пинать, будто футбольный мяч.

Но и есть плюсы – зато теперь я знаю, кто здесь пресловутый Король Школы. А его раскрашенная сучка, видимо, та самая Королева, на которой известки больше, чем на доме. В лице девочки за деньги предков уже делали в этом возрасте кучу операций, если их что-то не устраивало, а не размазывали границы тонких губ ярко-красной помадой по коже.

– А это, пидор вонючий! – рявкнул амбал, рывком стянув с меня кожанку от гучи – я заберу себе в качестве моральной компенсации!

В качестве моралки ему надо было требовать от предков, что родили его таким придурком, да еще и, видимо, совершенно не занимались образованием. Я здесь не при чем – как говорится, судья не в ответе за совершенные ублюдком преступления, но этого точно не стоило сейчас говорить.

Как и пытаться бороться за кожанку, которая стоила добрых 2 куса зеленых, и при продаже которой я мог неплохо себе выручить денег на первое время.

Это бесполезно – только еще больше огребу. Пусть берет – но я тут же, имитируя невероятную боль, поджал под себя руку с часами. Они будут стоять куда дороже – будет хреново, если он и их заметит.

– Это тебе первый урок на местности, пижон долбаный! – он попытался натянуть кожанку на себя, но из-за моей худощавой комплекции, она элементарно не налезла ему в руках. Однако, он перекинул ее себе через плечо, плюнул на пол рядом со мной и двинулся своей шайкой дальше.

Мои учебники все еще в хаосе продолжали валяться разбросанными по школьному полу.

Я встал, но резкая боль в боку заставила меня сжать зубы, дабы сдержать стон. Еще одно движение, ага, еще одно – и я не без труда поднялся на ноги, кряхтя, будто старая бабка, когда кто-то протянул мне пару моих учебников.

Я изумленно обернулся.

Передо мной стояла девчонка. Моя ровесница – плюс минус год, прическа под мальчика, пикси. Но на удивление – ей идет. У нее была гордо выпрямленная спина, в глаза решимость – во всех движениях чеканность и воинственность. Глаза горят, будто она на поле боя.

– Держи – она сунула мне учебники в руки. Едва я их взял, она тут же наклонилась, собирая остальные.

– А, да не стоит.. – но она уже дала мне и их.

– Стоит. А Брайс – просто кусок дерьма – заявила она – возомнил себя альфа-самцом нашего школьного стада. Кто виноват, что в старших школах столько ведомых овец, готовых за ним следовать?

Я усмехнулся.

Сейчас заметил на ее скуле небольшой шрам, а рот был слегка ассиметричен, что вблизи было понятно по уголкам губ. Плечи узкие, вечно дергаются – дюймов на пять ниже меня.

В целом она больше похожа на парня, чем на девчонку, но что-то озорное и упрямое во всех ее жестах и чертах лица – придавало некую изюминку.

Но она все равно даже близко не была красоткой.

– Это самое точное определение, которое мне доводилось слышать – кивнул я, ухмыльнувшись, и протянул ей руку – Томас. Можно просто Том.

Она вновь дернула плечами и протянула свою в ответ.

– Лоретта. Можно просто Лора.

Я поудобнее поправил учебники в руках, потому что они вновь начали крениться.

– Ну.. спасибо, что помогла с учебниками.

– Ерунда, он постоянно задирает новеньких, которые хоть чем-то кажутся ему лучше его. Сразу запугивает, чтобы они и носу не совали.

– Давно здесь учишься?

– С начала. Я этого урода с первого класса знаю. Видела ни одного такого, как ты. Жду вот судного дня.

– Судного дня?

– Да. Когда в нам в школу переведут кого покрупнее, чем Брайс, и он отделает его, как следует, как всех парней, которых он сам стабильно избивает.

Я рассмеялся.

– То есть подобное развлечение мне предстоит пережить еще раз?

– И не один – она равнодушно дернула плечами, и мне показалось, что от ее дерганий скоро начнет дергаться мой глаз – но если будешь осмотрительным и не будешь попадаться ему на глаза очень уж часто, то количество уменьшится.

– Воодушевляюще.

– Да – она как-то иначе оглядела меня – этот ублюдок забрал твою куртку, да?

– Ага.

– Она, наверное, дорогая?

– В районе двух кусков.

– Вот же хрен долбанный!

– Полностью с тобой согласен – я кивнул, и посмотрел по сторонам, как бы подытоживая этим наш диалог – еще раз спасибо, но мне бы надо учебники положить, да с табелем свериться..

– А, да – вновь дернула плечами – могу помочь найти кабинет, если знаешь, какой у тебя урок первый.

– Да я сам. Спасибо.

– Ну давай – сделав пару шагов, Лора обернулась и рассмеялась – ну, типо, добро пожаловать в старшую школу Чандлера.

Я усмехнулся в ответ:

– Ага, радушный приемчик.

-4-

Мне понадобилось порядком десяти минут, чтобы открыть этот ржавый сейф, служащий мне шкафчиком до конца года, уложить туда эту макулатуру, и выудить из общей кучу учебник, что нужен был мне теперь. Понятное дело, завтра я так же собирался обзавестись блокнотом – но «сегодня» уже никто не отменял.

Очевидно, я нормально запозднил, потому что когда управился со всей этой ерундой – в коридоре, кроме меня, осталась лишь техничка, которая скупно шаркала полусухой тряпкой по полу и бормотала что-то об окаянных чертях. Наверное, в это определение она вкладывала всех учеников этой чертовой школы.

С учебником и табелем в руках, я без труда нашел нужный кабинет. В моем лицее в ЛА система была куда как сложнее (или проще – как посмотреть) и разобраться с местной «картой» оказалось не так сложно.

Однако, когда я зашел в класс, то уже обнаружил там два знакомых лица. Первое – вызвало раздражение, второе – удивление.

Брайс «кусочек дерьма» Король Школы, и Лоретта «можно просто Лора» Королева Воинов. Какая ирония – они оба оказались моими одноклассниками. Хотя, стоило ожидать, что они оба из одного класса – ведь Лора говорила, что учится с этим кретином с самого начала, но кто мог подумать, что этот «один класс» – мой?

Лора удивилась – очевидно, она так же не ожидала, что я выпускной класс. Видимо, выгляжу я так же младше своего возраста, как и она. Брайс же очень быстро вошел в ситуацию и подставил мне подножку, когда я проходил к свободному месту.

Я ловко переступил через его ногу, вовремя заметив, и ухмыльнулся. При училке он мне все равно ничего не сделает. Задетым подобным обращением, амбал не преминул ехидно бросить мне в след:

– Кто это тебя так разукрасил, Золушка? Готовишься к балу?

Человек девять из класса заготовили. Ага, теперь я знаю, какого объема его компашка.

Одним небрежным жестом я вытер тыльной стороной ладони кровь с губ. Я ее вытер и раньше, но он здорово мне приложился тем метким ударом – и она продолжала идти, не желая останавливаться. Не ручьи, но для «постебаться» хватит.

– Наша местная красotka! – никак не мог угомониться Брайс, начав издевательски повторять мой жест стирания крови с губы – подправляет свою помадку!

И уже тише, чтобы услышал только класс, а не учитель:

– Педик долбаный.

И вновь гоготание.

– Тишина! – мужчина устало, но внушительно стукнул ладонью по своему столу – тишина в классе!

После чего глянул на меня.

Я видел в сериальчиках, как заставляются новеньких представляться перед всем классом, словно каких-то клоунов. У нас в лицее за такое могли уволить препода, но здесь, видимо, как и говорил отец, всем были неведомы личные границы учеников и их желание или нежелание на что-либо.

– У нас новый ученик – заявил учитель, будто все были слепые и глухие – выйди к нам, пожалуйста, расскажи пару слов о себе.

Он протянул руку, будто я мог ее взять через четыре парты, словно девчонка, вылезая на каблучках из дорогой тачки. Это я тоже видел только в фильмах – у отца никогда не было женщины, которой бы он подавал руку, помогая выбраться из своей навороченной машины.

Я убежден, что были различные модели на «одну ночь», но постоянной пассией он так и не обзавелся.

Да и зачем, когда есть деньги?

Они не проснутся в одно утра, заявив, что больше тебя не любят.

– Да, поди расскажи, про своих дружков пидоров – это уже был не Брайс, но какой-то такой же раскаченный придурок. Не удивлюсь, если это его дружок, с которым они трутся бицепсами на общих тренировках по баскетболу. Один – капитан команды, второй – тот, что вечно держит в ладонях его яйца, чтоб не разбились.

Я вздохнул и встал из-за парты, не успев за нее сесть. Тщательно глядя себе под ноги, чтобы не расстелиться при очередной из подножек, я-таки выбрался в пресловутый центр класса. Сунул руки в карманы джинс, перекатившись с пятки на носок, и глянул на препода, ожидая наводящих вопросов.

– Ну, представься для начала – предложил он, словно на сеансе мозгоправа.

– Меня зовут Том.

Черт возьми, какой идиотизм. Чувствую в детском саду, где детей знакомят друг с другом.

– Откуда ты к нам приехал, Том?

– Из ЛА, это все знают – фыркнул Брайс, развалившись за своей партией, и одну руку закинув на плечо своей сучке – его папаша двинул кони, а ему не оставил ни цента, поэтому теперь его выбросили на помойку.

– Рад, что ты признаешь место своего существования – соответствующем собственной персоне – невозмутимо заметил я.

Брайс нахмурился – понять эту издевку ему было слишком сложно, и кажется, я заметил дым, с которым начали работать его шестеренки и вскипать мозг, не находя ответа. Зато пара человек из класса глухо хихикнула.

Одна из них была Лора.

Надо же, а она относительно смышлёная. Впрочем, неудивительно. Обычно, девчонки так и делятся.

Одни – красивые, но глупые. Трепятся о фильмах, актерах, зато добавят тебе статусности своим видом на вечеринке и в постели изобретательны.

Второе – далеки от красоты, зато умные. Сообразительные. Интересные собеседницы, так как за неимением парня и друзей, только и остается, что посвящать все время саморазвитию.

– Тишина! – ему вновь пришлось призывать класс к молчанию.

Чувак позади Брайса, что ухмыльнулся над моим ответом, тронул его за плечо и что-то начал шептать. Судя по физиономии амбала – объяснить суть моего ответа. Когда он закончил – брови качка свелись к переносице и он со всей дури швырнул в меня своим пеналом. Я uklonился, но недостаточно хорошо – металлическая коробка задела мое плечо и с глухим «БАМ!» грохнулась к ногам.

– Это я-то мусор?! – процедил он – ну подожди, гомик вонючий, ты мне еще попадешься!

Я промолчал.

Наконец, учитель сдался и решил больше не мучить ни себя, ни меня, потому устало отмахнулся:

– Ладно, Том, спасибо. Садись на место. Надеюсь, тебе у нас понравится.

– Ага, я уже в восторге.

– Мистер Питерсон – машинально поправил он.

– Я уже в восторге, Мистер Питерсон – саркастично повторил я, но повернулся на место с другой стороны прохода, потому что подозревал, что сейчас даже наличие препода не удержит Брайса от того, чтобы как следует мне врезать, если пройду мимо.

Через секунду какой-то парень к очках, при одном лишь повороте головы Брайса, вскочил и поднял его пенал, после чего принес тому на парту и сел обратно на место.

Мистер Питерсон это проигнорировал.
Да уж, отец был прав. Бюджетные шараги – полное дерьмо.

-5-

Я не особо слушал весь урок, но и не составлял плана для побега от Брайса, если вдруг он вновь решит меня все-таки помутузить. Просто рисовал что-то на листах, иногда заглядывал в телефон. Один раз словил на себе взгляд какой-то девчонки.

Она явно была из красоток, но местных. В ЛА такая бы вряд ли стала считаться симпатичной, но здесь, уверен, за ней бегали толпы, соревнуясь между собой в том, кто сможет купить подороже конфеты да гандоны. Романтика.

Однако, уверен, если бы я все же подошел к ней – она бы вздернула нос и усмехнулась, пройдя мимо. Я ей понравился – это факт, но еще больше ей нравилось собственное положение в школе. Если связаться со мной – значит встать против Брайса. А кто пойдет против Короля Школы?

Точно не одна из его заблудших овец.

По звонку я перекинул лямку портфеля через плечо и вышел через другой ряд, не касающийся амбала. Глянул в табель, прикинул, что кабинет с началом «3 – 349», очевидно, находится на третьем этаже и двинулся к лестнице.

– Это было круто – кто-то хлопнул меня сзади по плечу и я обернулся, не останавливаясь.
Лора.

– Что именно?

– Твой остроумное сравнение Брайса с мусором – теперь она догнала меня и встала рядом, держа собственный портфель за обе лямки, словно от мог соскользнуть с ее вечно дергающихся плеч – это правда было здорово. У меня до сих пор перед глазами его тупой взгляд. Он ведь так и не допер, что к чему, пока ему не сказали. Это даже еще круче, чем сама шутка.

– Ага.

Она скосилась на меня с едва заметной улыбкой:

– Но когда я говорила «будь осмотрительным и не попадайся ему на глаза», то имела ввиду нечто другое.

– Насрать – бросил я равнодушно.

– Воинственный дух?

– Нет, мне просто насрать.

– Ну ладно – кажется, ее забавляли мои ответы – кстати, а это правда, что твой отец был крупным бизнесменом?

– Нет.

– Значит, просто однофамилец? Так и знала, что это все дудки. Идиотские сплетни старшей школы.

Я ухмыльнулся:

– Он не был бизнесменом. Он был нефтяным магнатом.

Ее глаза широко раскрылись.

– Значит ты правда сын того самого Дьюэда?

– А это что-то меняет?

– Ну не знаю – она вновь дернула плечами – ты же типо богатенький.

– Ты видимо не слушала нашего приземленного царя краснокожих.

– Так он правда не оставил тебе ни цента?

– Какая разница?

– Просто интересно.

– Ты слишком любопытная для незнакомки – заметил я и теперь уже она рассмеялась.

– Вот как? Ну знаешь, в нашем веке собрать учебники с пола, это уже никак не меньше хорошей приятельницы.

– Буду иметь ввиду.

– Ладно, удачно тебе осваиваться в мире джунглей – она уже двинулась вперед, когда я ее окликнул:

– Джунглей?

– Да, чем старшая школа не джунгли? Дикая природа, кругом одни животные, и ты либо охотник, либо добыча. Совсем как первобытные времена. Быстрей бы отсюда свалить.

Она закатила глаза и приставила два пальца к виску в подобии дула пистолета. Я усмехнулся и она улыбнулась в ответ, быстро обогнав тех, кто шел впереди нас и затерявшись в толпе на лестнице.

-6-

На четвертом уроке я уже сидел, постоянно поглядывая на часы. Без четверти полдень – еще пара минут, и надо будет выйти. Я заранее взял с собой шприц и одну капсулу в школу, потому что понимал, что по времени придется сделать инъекцию здесь.

Еще один взгляд на часы.

Еще один.

Можно.

Я ловко накинул лямку портфеля на плечо и встал, когда учительница осадил меня.

– Мистер Дьюэд, могу я поинтересоваться, куда вы собрались?

Серьезно? Я должен отчитываться за свои действия или перед всем классом сообщать, что пошел в туалет?

Вот мрак.

– Мне надо.

Я встал рядом со своей партой, выжидательно глядя на нее.

– Для «надо» не обязательно нести с собой портфель – заметила она – оставьте его здесь.

– Ага – усмехнулся я – может, еще скажите, куда мне брать или не брать мобильник? Это мои вещи – куда хочу туда и беру.

– Но пока вы на территории школы, то обязаны подчиняться общим правилам – жестко заметила она.

– И эти правила гласят «да поппы в уединенной кабинке не беря портфеля с собой своего, аминь?».

Кто-то захихикал, но губы учительницы сжались еще плотнее.

– Оставляете портфель здесь и идете. У вас пять минут.

Как еще секунды не обозначила? Однако, спорить было бесполезно. Пора привыкать, что в стенах этой тюрьмы не только мои вещи, но и я сам себе не принадлежу.

Черт возьми, и кто-то здесь учился все классы? Застрелиться можно. В изоляторе условия гуманнее.

Но я окрылся не от нечего делать. Я понимал, что если портфель все же придется оставить – у меня появятся проблемы. Теперь надо было как-то незаметно вытащить оттуда шприц и капсулу. Учительница не сводила с меня глаз.

– Что, Дьюэд? – загоготал Брайс, заметив мое промедление – забыл достать свои тампоны?

Закатив глаза, я быстро сунул руку в портфель, стараясь незаметно пихнуть шприц и капсулу из ладони в рукав пуловера. Вроде бы получилось – хотя Брайс и не сводил с меня глаз. Хотя, с его айкью – даже если бы что-то увидел, все равно бы не понял что.

Быстрым шагом направился к двери и вышел из кабинета. На всякий случай решил идти в уборную на следующем этаже, а не на этом. Туалет грязный, чего и следовало ожидать, но зато с щеколдой. Закрывшись в кабинке, я выудил из рукава капсулу и шприц. Спиртовая салфетка осталась в портфеле, потому придется без обработки.

Вязкий раствор вновь переключал в шприц, а после мне в кровь. Я глянул на часы – ровно полдень.

Успел.

И вновь пошел таймер от 24 часов в обратную сторону.

Я вышел из кабинки, не ожидая увидеть у общих стульчаков того самого качка, что поддерживал Брайса. Я машинально сжал шприц и пустую капсулу в ладонях, стараясь скрыть от него. Он, не парясь, делал свои дела, но заметив меня, загоготал:

– Что, придурок, как девчонка ходишь по кабинкам? А че не за ручку со своими дружками-педиками? Или боишься светить своими причиндалами? Уверен, они такого размера, но их даже бы никто не заметил, так что можешь не париться – он вновь загоготал.

Я прошел мимо и решил выбросить пустую капсулу в другую урну, чтобы не возникло ненужных бла-бла.

Однако, уже на нужном этаже, я задался вопросом – а какого хрена этот идиот вообще делал в сорите другого этажа?

-7-

Когда я вернулся домой, бабушка как обычно сделала вид, что не заметила меня. Лишь какой-то малоприятный запах говорил о том, что обед ждет меня на плите. Я подошел и открыл крышку, все еще надеясь на лучшее – но нет. В бульоне плавала какая-то зелень, не удивлюсь, даже если брокколи и еще какая-та гадость.

Все это жутко воняло.

Я поморщился и закрыл крышку, после чего пошел в гостиную, где бабушка сидела с очередной книгой. На удивление, за те дни, что я успел здесь прожить, я видел ее гораздо чаще с книгами, чем за просмотрами всяких глупых передач.

– Эм.. бабушка – я перекатился с пятки на носок – кхм.. может ты неправильно поняла, но я не вегетарианец.

– Зелень еще никому не мешала.

– И не степной козел.

– Если тебе не нравится, можешь не есть, Тод.

– Том.

– Да.

Я вскинул руками, как бы говоря «ну да, конечно» и пошел обратно к лестнице, чтобы подняться к себе в комнату. Бабушкино поведение было для меня странным.

Я бы не удивился, если бы она совершенно принялась меня игнорировать. Это было бы понятно – до этого мы виделись всего два раза, она постоянно скандалила с моим отцом, и теперь обязана меня терпеть лишь потому, что долбаный Генри присвоил себе мое наследство при условии опекуинства.

Но она проявляла какое-то внимание. Но оно было странным. То есть, типо она готовила еду к моему приходу – но это была обязательно какая-та дрянь, типо горелых панкейков или этого зеленого дерьма. Плюс к тому же, она нарочно называла меня иначе.

Я видел – и сейчас тоже – что она прекрасно помнила, что меня зовут Том. И будто бы прикладывала усилия, проявляла внимательность к тому, чтобы нарочно назвать Тедом или Тодом.

Она словно специально старалась это делать, но с какой целью – я пока не понимал.

Поднявшись к себе в комнату, я запер засов и упал на кровать. Мои деньги подошли к концу и завтра мне предстоит заложить свой айпад. Хотя, наверное, лучше макбук – им я пользуюсь реже. Интересно, я успею дойти до той степени денежного отчаяния, когда стану закладывать брендовые вещи по цене шмоток секонд-хенда?

Мой телефон лязгнул.

Я лениво потянулся за ним и глянул на уведомление. Запрос на подписку в инсте. Я зашел на страницу к незнакомому пользователю. Какая-то девчонка – но я сразу узнал ее по первым фото.

Лора.

У нее было смехотворное количество подписчиков, и сама лента заполнена какой-то ерундой. Какие-то рисунки, странные арты – в общем кладезь дребедени. Собственных фоток – раз два и обчелся.

Датированные последним годом – все с короткой стрижкой и без макияжа. Одна из них – даже с полностью лысой головой. Оказывается, это она еще «обросла» – изначально вообще бритая была.

И это зрелище было еще кошмарнее.

Однако, дойдя до снимков двухлетней давности, я обнаружил, что до этого она была совсем другой. Этих снимков было совсем мало, но на них словно был совсем другой человек. У этой Лоры были длинные светлые волосы, хитрый макияж скрывал асимметричность рта и шрам на скуле. Выравнивал черты лица до очень-таки милovidных.

На этих старых фотках она везде улыбается, явно попадая под категорию «глупых девчонок для статуса». Местного разлива, но все-таки.

Что побудило ее побриться налысо и так изменить свой стиль? Может, она больна? Ну тогда бы она ходила с проводками или все еще была лысая, так как химиотерапия не годовой процесс.

Я принял ее заявку и подписался в ответ. Теперь у нее не 9 подписчиков, а 10.

При том, что на фотках с волосами было до 100 лайков. Это заставляло пораскинуть мозгами. Кажется, Лора не так однозначна и проста, как показалась на первый взгляд. Я словил себя на мысли, что мне интересно узнать, из-за чего она загнала себя в новый стиль и новый образ жизни.

Недолго думая, я клацнул на видеозвонок.

Гудок, другой – но она отклонила.

Я усмехнулся, когда от нее тут же пришло сообщение в директ:

«Ты слишком прыток для незнакомца».

Я принялся набирать ответ:

«Мы уже хорошие приятели, забыла? Поднять учебники это значительный вклад в дружбу».

«Буду иметь ввиду».

Я рассмеялся.

Она стебала меня, а это уже хорошо. Скучные и глупые люди зачастую лишены чувства юмора и тем более иронии.

Я вновь нажал на видеозвонок.

Один гудок, другой.

Я уже решил, что она опять отклонит или просто проигнорит, когда внезапно экран разделился на две части. Верхняя была черная и сообщала, что пользователь «logik78ori» отключил свою камеру. На нижней половине светилась моя физиономия, так как моя камера все еще работала.

– Поверить не могу, прошел уже час, а ты все еще в школьных тряпках! – было первое, что она сказала, зайдясь в смехе.

Я закатил глаза и крупным планом показала ей в камеру средний палец.

– Можешь присесть на него – предложил я.

– Так и зачем позвонил?

– Захотел поближе познакомиться с миром животных.

– Ты засранец.

– Не отрицаю.

– Тогда ты ничем не лучше Брайса и я отказываюсь тебе помогать – мы говорили серьезно, но между строк сквозил шуточный тон нашей перепалки.

– Я увидел тут твои фотки с длинными волосами.

– И не в лом же тебе было пролистать так далеко. Совсем нечем заняться?

– Совсем – невозмутимо кивнул я – не расскажешь, что побудило тебя обриться?

– Ты слишком любопытен для незнакомца.

– Да хорош.

– Ага, так я и рассказала.

– А что здесь такого?

– Давай тогда рассказ на рассказ. Ты мне – я тебе.

Я закатил глаза и фыркнул:

– Боже, мы что в детском саду? Еще предложи обменяться трусами.

– Учитывая, какой цены на тебе труханы – я только за.

Я не то фыркнул, не то усмехнулся, устало откинув голову:

– Ну давай, такие как ты этого только и ждут.

Лора нахмурилась:

– Чего этого?

– Чтобы их спросили.

– О чем?

– Да обо всем, черт возьми. Когда девчонки обривают голову без нужды – они просто хотят внимания. Хотят, чтобы их спросили, зачем они это сделали – и они поведали свои «глубокие» мотивы, со всеми заложенными туда смыслами. Ну можно еще брови сбрить – эффект тот же, но их хотя бы нарисовать можно. Привлечение внимания – вот вся фишка. И я привлёкся – так что можешь начинать рассказ, я весь во внимании.

Теперь Лора уже совершенно искренне скривила губы в раздражении.

– Ну если ты такой знаток женской сути, то сам отвечай на свои сраные вопросы, пижон говеный.

От неожиданности я слегка растерялся.

– Сейчас не понял, за что мне прилетело.

– За то, какой ты самодовольный кретин. Думаешь, все вращается вокруг общественного мнения и внимания идиотов-парней? Представь себе, но если выйти за узкие границы твоего восприятия мира, то окажется, что люди не всегда что-то делают ради внимания публики.

– О как тебя прорвало – кивнул я – видимо, я затронул больную мозоль.

– Да пошел ты!

Звонок прерван.

Она меня отключила. Я изумленно таранился в экран. С этой девчонкой явно не все ладно.

Но не прошло и десяти секунд, как теперь поступил уже входящий. Лора сама мне звонила.

Я несколько скептически глянул, сомневаясь в том, стоит ли отвечать, но мне все еще было дико скучно, потому я нажал на зеленый.

– И еще – сходу бросила она – если ты в самом деле такой идиот, то значит Брайс впервые отмудохал того, кто этого заслуживает.

– Я польщен – ухмыльнулся я.

– Чему?

– Тому, что ты уделяешь моей персоне столько времени. Очевидно, я отличаюсь охрещенной пронизательностью, раз моя иголка так точно проткнула твой воздушный шарик.

Но добавил, не успела она открыть рот:

– Но на самом деле не имею ничего против. Просто стало интересно. Это типо было обобщенное мнение, но я не исключал же варианта, что ты как легко под эти рамки можешь подойти, так и не подойти, камон. Не бушуйся ты так.

На ее лице проскользнуло сомнение.

В этот звонок я ее видел – очевидно, в порыве своих эмоций она забыла отключить камеру, но сейчас заметила это. Потому что посмотрела точно в объектив и мне тут же предстал черный экран.

– А еще ты неуверена в себе – добавил я невозмутимо.

– С чего ты взял?

– Уверенный человек не стал бы выключать камеру. Типо, ты боишься что какая-та эмоция или жест покажется глупым, а поскольку я постоянно смотрю на экран, то сразу это замечу. Уверенным чел такой херней не запаривается – он считает, что всегда неотразим. Ну или ему просто насрать на то, что подумают – я пожал плечами – но при этом ты усиленно хочешь казаться непробиваемой.

– Ты просто придурок, ты же в курсе?

– А то.

Однако, в следующую секунду черный экран верхней части вновь сменился ее лицом. Она включила камеру.

Я с трудом подавил ухмылку, скрыв ее за кашлем.

– Кстати – добавил я, зевнув – так и быть, я согласен на твою бредятину.

– Какую бредятину?

– Обмен на обмен. Ты расскажешь, почему остригла волосы, а я – правда ли, что папаша не оставил мне ни цента. Ты спрашивала, я помню.

– Не годится. Я и так знаю ответ – это правда, раз ты здесь.

– А что, если ответ не такой примитивный?

– Ты просто берешь меня на слабо.

– Как знаешь.

– Вот же сукин сын.

– Что такое? – я усмехнулся.

– У тебя ведь это получилось – она закатила глаза – ладно, годится. Но ты первый, иначе ты меня обуешь.

– А где же твое доверие?

– Сексистским придуркам доверять не привыкла.

– Вау, как меня громко оклеймили. Мне уже не оправится от такого удара.

– Идиот.

– Есть такое.

– Ну так давай. Ты первый.

Я перевернулся на другую сторону кровати, взъерошив волосы:

– На самом деле я и правда без цента, но это не из-за отца. Он оставил мне все свое состояние, но мой ублюдочный дядюшка резво растаскал все это до того, как я успел вступить в права.

– В смысле растаскал?

– Ну, блин – обнулил, обналичил, переписал, и бла-бла, все как обычно.

– Как обычно?

– Такое часто встречается, если у человека есть мозги и нет долбанной совести, чтобы оставить мне хотя бы десятую часть от того, что прилагалось. Он мой опекун по отцовскому завещанию – потому все мои дела пока его. Вот он и провернул все это. Как видишь – весьма успешно.

– Ублюдок.

– Согласен. Видимо, отец был о нем более лучшего мнения, когда назначал опекуном.

– Но это же можно будет как-то опровергнуть и вернуть, когда тебе стукнет 18?

– Не-а, все слишком грамотно.

– Это же многомиллионное состояние, и ты так спокоен?

– Это уже следующий вопрос – заметил я – теперь твоя очередь рассказывать.

Я глянул на ее торчащие в разные стороны в мальчишечьей прическе волосы.

– Давай, я жду увлекательную историю поисков самой себя через обкарнания шевелюры, как то у вас происходит.

– Ты опять за свое?

– Все – я вскинул руки – молчу. Давай.

Она нахмурилась.

– Теперь мое объяснение будет звучать смешно.

– Почему?

– Потому что ты выставил реальную причину на посмешище, хотя это совсем не смешно и вообще-то имеет под собой основу.

– Ну конечно – невозмутимо кивнул я – однако, уговор есть уговор. Давай рассказывай.

– А если я возьму и не расскажу?

– То я решу, что ты трусиха, боящаяся своих собственных мыслей.

– Ну и пофиг.

– Трусиха.

– Иди в зад.

– Тру-си-ха. Как такая трусиха смогла сподобиться на то, чтобы обриться налысо? Ты под чем-то была, да?

– Отвали! – она разозлилась – ладно, все. Заткнись и слушай. Заткнись – это главное условие.

Я театрально провел двумя пальцами по губам, имитируя застегнутую молнию на рту.

Лора вновь дернула плечами. Постепенно я стал осознавать, что она дергает плечами не просто так. Она это делает либо, когда сильно нервничает, либо, когда наоборот чем-то сильно возбуждена. Не это не что-то типа нервного тика, который никак не контролируется.

По крайней мере, я сделал такой вывод.

– Ну так и? – поторопил я ее и она раздраженно взмахнула руками, словно я сбил ее с мысли.

– Заткнуться – главное условие – напомнила она – так какого черта ты все еще болтаешь?

– Наверное, потому что человечество не лишено дара речи.

Но Лора отмахнулась, и без парировки начала, закусив нижнюю губу и пристально смотря в камеру, но было такое чувство, что она смотрит куда-то сквозь нее и вообще сейчас не здесь:

– Вообще, раньше я была подружкой Брайса.

– Вау – усмехнулся я – далекая предыстория. Это он заставил тебя обриться? Дай угадаю – он сказал, что ему нравится лысая киска, а ты не так его поняла?

– Ты всегда такой идиот? – фыркнула она, но тут же снисходительно улыбнулась – ладно, это была хорошая шутка, но впредь будь добр, закрой пасть.

Он вновь провела рукой по своим коротким волосам.

– В общем, я была как обычная девчонка. Вечеринки, мальчики, косметика и разговоры о всяком таком – она сказала это с некоторым отвращением.

– Но в какой-то момент ты поняла, что ты не такая, как все..

– Нет – раздраженно осекла она – я не поняла. И не поняла бы, если бы встречалась с кем-то, а не с Брайсом. Он замечал каждое мое несовершенство. Прибавила пару кг – и он тут же намекал, что мне пора меньше есть. Вылезал прыщик на лбу – и он сразу же говорил о том, что мне, очевидно, не хватает тоналки, если я явилась в школу, не замазав его. Поначалу я не обращала на это внимания, но потом его замечания стали слишком частыми. И тогда я присмотрелась к другим парам в нашем классе. И там было тоже самое.

– И поэтому ты решила обриться?

– Типо того –она дернула плечами – просто я тогда очень явственно увидела, что те парни, да и Брайс тоже – они не видят во мне личность, или интересного человека. Я для него была лишь оболочка, которую прикольно потрахать и с которой классно похвастаться перед друзьями. Поэтому он обращал такое внимание на мои внешние изменения. А это отвратительно – когда человеку важна только оболочка.

– И как это связано с твоей лысой головой?

– Очень просто. Волосы – едва ли не ключевой элемент красоты у девушек. Потом идет макияж, мимика, фигура и так далее. Но волосы порой даже важнее веса. На толстую, но миленькую – засмотрятся. А вот на худощавую, или жопастую – но лысую и ненакрашенную.. гораздо маловероятнее.

– А, понял – кивнул я саркастично – ты решила использовать самый надежный метод против парней. Зачем бороться с их предрассудками, если можно просто исключить их из своего круга?

– Вообще-то идея была другой.. но получилось именно так – фыркнула она – я хотела.. хотела, чтобы меня больше не воспринимали, как красивую оболочку. Хотела, чтобы ценили, как личность.

– А в итоге все просто слились, я угадал?

– Да, ты угадал. И знаешь – я не жалею – раздраженно заявила она – лучше сидеть без друзей и парней, чем с теми, кто только глазеет на волосы и жопу, и кто бросит сразу же, едва на лице вскочит неожиданный прыщ.

Я пытался сдержать серьезное выражение лица, но когда она уставилась на меня, ожидая реакции, я отозвался с таким же натянуто невозмутимым видом эксперта:

– Ну.. это же полная бредятина, ты же понимаешь?

– Какого хрена, Том?

Я рассмеялся.

– Нет, серьезно, мысли какой-то пятилетней девчонки, идеализирующей мир. Але, очнись, мы в Америке 21века, понятное дело все сначала обращают внимание на внешность. Черт, да ты бы сама не посмотрела на небритого парня с козлячьей бородкой и заплывшим брюхом, но при этом хочешь, что бы тебя любили за внутренний мир? – я вновь ухмыльнулся – да ладно?

Она враждебно скрестила руки на груди и язвительно процедила:

– А это уже следующий вопрос.

– Ладно-ладно – я вновь зевнул – так значит ты у нас бывшая Королева Школы?

– Бывших не бывает. Либо действующая, либо уже не Королева.

– Значит ты будешь «уже не Королева».

– Отвали.

– А знаешь, в наречие «уже» есть что-то обреченное.

– О чем ты?

– Ну типо, если «еще», до значит что-то вероятно в будущем, этого можно добиться. А «уже» – это завершенное, необратимое. Типо, твои года молодости уже канули в бездну – я глянул на нее и ехидно оскалился – или «ты уже не Королева Школы».

– А, поняла – кивнула она – или, например, «ты УЖЕ не обладатель многомиллионного наследства»?

– Верно – я хлопнул в ладоши – быстро учишься.

Она снисходительно хмыкнула.

Где-то послышался приглушенный мужской голос – он что-то раздраженно говорил. Хлопнула дверь и говор стал громче.

Лора тут же обеспокоенно обернулась на свою закрытую дверь, склонилась к мобильнику (или с чего она там сидела) и прошептала:

– Мне пора, пока.

– Пришел свой папаша, который не разрешает общаться с мальчиками? Так ты скажи, что я местный..

Но она не дослушала меня и отрубила вызов.

– ..гей – закончил я уже пустому экрану и вздохнул – по крайней мере, так меня нарек Брайс и все его тупые дружки.

Поставив телефон на блокировку, я кинул его на тумбочку.

Снизу послышался какой-то запах. Но чего-то явно не съестного.

– Не удивлюсь, если это котлеты из горной травы на ужин.

-8-

Когда я пришел в школу на следующий день, то обнаружил, что на моем ящичке размашистым почерком какой-то ублюдок написал незамысловатую фразу баллончиком. А именно:

«Томас Дьюэд долбится в очко»

Впрочем, было не сложно догадаться, кто это сделал – в углу, не скрывая, гоготал Брайс со своими тупорылыми дружками. Пытаться стереть надпись было бессмысленно – я знал, что баллончик с металла сотрет только божья воля, а поскольку ни на что такое сейчас уповать не приходилось, то этим я бы только удовлетворил эту компанию.

Потому я просто какое-то время посмотрел на надпись, после чего достал из ящичка пенал, вытащил фломастер, и не менее крупным почерком добавил всего одно слово к завершению этой фразы. Самодовольно хмыкнув, я оценил готовую работу:

«Томас Дьюэд долбится в очко Брайса»

Слегка обернувшись, закрывая своей спиной продолжение, я глянул на эту компанию. Они все еще скалились, но уже как-то озадаченно. Уверен, стоит мне отойти – они ломануться читать, что же я дописал, потому мне лучше ретироваться быстро и желательно сразу на глаза преподу.

– А ты опять выставляешься – голос над моим ухом объявился так резко и пронзительно, что я вздрогнул – и еще я трусиха?

Я обернулся и увидел Лору.

– Да пошла ты – беззлобно бросил я – зачем так подкрадываться?

– Чтобы ты спросил – она глянула мне через плечо на дверцу ящичка. Сначала ее брови поползли вверх, потом нахмурились, а спустя секунду пацанка разразилась громким заливистым смехом.

– Он тебя убьет – сообщила она – ты явно знаешь тайну бессмертия, но умалчиваешь ее.

– Ага, а еще в моей комнате висит картина, что за меня стареет – кивнул я и тоже глянул на свое творение – не я это начал.

– Это уже неважно. Потому что огребешь ты.

– Ну и..

– Насрать – кивнула она, закончив за меня – я так и поняла. Что-то в этом есть.

Лора задумчиво наморщила нос:

– Бунтарское что ли. Мне нравится.

– Рад стараться – саркастично хмыкнул я и взял нужную тетрадь – пошли, чтобы я огреб хотя бы на следующей перемене, а не сейчас.

– Эх. Все-таки нет, это не бунтарское. Какой же бунтарь убегает, не посмотрев реакцию на свой бунт?

– У тебя не все дома – невозмутимо заявил я – надеюсь, ты в курсе об этом.

– Конечно – Лора двинулась сразу же за мной, а Брайс и его шайка-лейка как бы невзначай пошли к моему ящику.

– Кстати, что это вчера было?

– О чем ты?

– У тебя строгий папаша или развитая паранойя?

– А, об этом.

– Ага.

Лора вновь дернула плечами и закусила губу. Сразу два нервных жеста – значит, тебя для нее щепетильная.

– Мой отец – кивнула она – точнее, отчим, но это неважно.

– И в чем прикол?

– То есть?

– Ты меня скинула, как будто с барыгой общалась – я резко щелкнул пальцами и усмехнулся – или погоди, или вы из той секты, в которой общения мальчика и девочки запрещено, а супругов выбирают предки?

– Отец конечно не идеал, но не настолько – фыркнула она – просто он немного.. консервативен.

– Например?

– Например, в отличии от нынешней молодежи, он не сует нос не в свои дела. Он считает, что есть дела его и его семьи, а есть все остальное, что его не касается – она внушительно глянула на меня – потому что это чужое и потому его не должно трогать.

– Слишком жирный намек – критично заметил я – это надо отработать, а то звучит как-то фигово. Можно было бы сказать, например «мой папа придерживается мнения, что длинные носы и шпичи не в моде, но вы с ним не очень похожи».

– Что за бредятина – вскинула она брови – господи, какой кошмар.

– Ой, всяко лучше того, что сказала ты «что чужое и потому его не должно трогать». В лоб, а где двойное дно, место воображению, сообразительности, в конце концов или элементарное чувство такта, скрывающееся в завуалированном обращении?

– Иди к черту.

– Чего и следовало ожидать – усмехнулся я – приму это, как белый флаг.

– Да, чтоб было чем мне махать в следующий раз, когда я буду прижимать локоть к твоему горлу.

– Воу – я усмехнулся – любишь бдсм?

– Катись к черту.

– И вновь белый флаг, да что ж такое! Из тебя никакущий собеседник. Типичный представитель Чандлера.

Она пихнула меня в бок локтем и я рассмеялся, ввалившись в класс как раз вовремя – позади послышался бег и окрик Брайса меня и различного оформления моего имени словами типа «сукин сын», «педик долбаный» и «вонючий членосос».

Мне повезло и мистер Питерсон уже был в кабинете. Потому когда разъяренный амбал залетел следом за мной, ему осталось лишь раздуть ноздри, как быку на арене и испепелять меня своим тупым взглядом.

Подойдя к моей парте он со мной силы долбанул по ней кулаком и одним махом спихнул мои вещи, которые тут же полетели на пол. После чего нагнулся и процедил, а из его пасти воняло, словно он сожрал тонну дерьма накануне:

– Зря ты это сделал, пидор – процедил он – ты вспомнишь об этом, когда будешь харкать кровью и умолять меня остановиться.

– Надо же – мое сердце забилося сильнее, но я упорно не показывал этого ни одним жестом и взглядом – а я думал, это прерогатива исключительно твоих дружков, когда ты вгоняешь им по яйца.

Видимо, я переоценил значимость учителя в этой школе.

Потому что следующей секундой уже перевернулся на стуле и полетел в проход. Кулак Брайса на удивление точно впечатался мне в нос, с которого теперь текла кровь.

Он успел лишь раз меня пнуть, когда мистер Питерсон заверещал:

– Тишина! А ну разошлись! Что вы себе позволяете!

Тогда амбал отошел и я смог подняться на ноги.

Мистер Питерсон с сомнением глянул на меня:

– Думаю, мистер Дьюэд, вам лучше сходить умыться.

– Чертовски верная идея – усмехнулся я, зажимая нос рукой – думаю, так и сделаю.

Лора стояла, не двигаясь, но едва я вышел из класса, как догнала меня.

– Это было круто – заявила она, хлопнув по плечу, словно лучшего друга – оно того стоило.

– Хорошо, что ты научилась судить по чужим увечьям – заметил я – а то бы я сам не справился.

– Да ладно тебе – она убрала мою руку от носа и оглядела его – он тебе его даже не сломал. Так, может смещение небольшое, и всего-то. Зато как это было эпично.

– Ага. Тотальный успех – я вновь прижал руку к носу – че ты-то за мной увязалась?

Она оскорбленно хмыкнула:

– Побоялась, что в своей панике, бедный мальчик не найдет мужской сортир.

– Уж ты-то знаешь расположение всех мужских сортиров – ухмыльнулся я и она вновь ткнула меня локтем в бок – эй, нападение на раненого, как низко!

– Низко? – она демонстративно вновь выставила локоть и теперь направила его на уровень моих ширинки – показать тебе, где находится низко, приятель?

–9–

Когда мы вернулись, Брайс глядел на меня уже исподлобья и как-то злорадно ухмылялся, словно дал мне не в нос, а как минимум сжег весь мой дом. Хотя, может, эта примитивная логика мышления, соответственная интеллекту, и решила, что этим ударом он поставил меня на место и показал, кто тут папочка.

Ладно, если так – я не против.

Огребать больше сегодня не очень хотелось. Тем более за старое, а не за что-то новое.

Переведя взгляд на Лору, с которой я зашел, он загоготал. Но взгляд его изменился и было понятно, что ухмылка относилась точно не к этому же поводу. Однако, теперь он прогорланил на весь класс, наплевав на мистера Питерсона:

– Смотрите-ка, наша красавица нашла себе нового дружка!

Я не сразу врубился, в чем прикол, пока не понял, что на месте «красавицы» – я, а на месте дружка с мужской стрижкой – Лора. Однако, она поняла это быстрее и показала давно бывшему бойфренду средний палец. Тот принялся усердно тыкать изнутри языком в щеку, намекая на оральные утехы.

Я закатил глаза и вернулся к своему месту.

К моей радости Брайс не решил отыгаться на мне на следующей перемене, и тот удар в нос оказался единственным моим «наказанием» за добавление его имени к его же надписи на моем долбанном школьном шкафчике.

На уроке истории США, где нам рассказывали, какой значительный вклад мы оказали в завершение второй мировой войны, на что мне было откровенно насрать, как и доброй половине класса, что рисовали всякую ахинею в своих блокнотах – я только и делал, что смотрел на свои часы. Половина полудня, треть полудня, четверть полудня.

Когда длинная стрелка переключалась на десятку, я открыл портфель и сунул руку внутрь. Пора. Я старался не откладывать дело до последней минуты, и начинал обычно минут за десять до нужного часа.

Но обшарив боковой карман, ничего не нашел. Странно, я точно помнил, что положил вечером шприц и капсулу именно сюда. Может, потом переложил? Хотя это и было маловероятно, я все-таки запустил руку в основной отсек портфеля.

– Мистер Дьюэд – окликнул меня историк – мы вам не мешаем?

Он прицепился ко мне, когда я уже откровенно начал шариться в своем портфеле. Глянул на часы – семь минут. Паника медленно начала подступать к горлу.

Я не мог забыть шприц с капсулой.

Даже если бы забыл положить капсулу – шприц всегда таскал с собой. Где он тогда?

Я принялся более лихорадочно рыться в портфеле, уже поставив его себе на колени и не обращая внимания на реплики учителя. Итогом стало то, что я судорожно высыпал на парту с грохотом все содержимое, опустошив все карманы, но шприца с капсулой так и не нашел.

– Мистер Дьюэд – повторил историк.

И тогда загоготал Брайс.

Я быстро поднял на него голову. В одной своей огромной руке он держал шприц – в другой мою капсулу с вязким раствором. Роба его была чрезвычайно довольная, а от этого еще более туповатая:

– Не это ищешь, педик долбанный?

Я сжал зубы и встал из-за парты:

– Отдай.

– Ага – он вскочил и бросил шприц на парту, однако капсулу продолжал перекидывать из руки в руку.

– Успокоились немедленно! – рявкнул препод.

– Мистер Ридли – вновь загоготал Брайс и продемонстрировал ему мою капсулу – а вы в курсе, что новенький наркоман? Я нашел у него очередную дозу в порт..

Я кинулся на него, пытаюсь отобрать капсулу. Четыре минуты. Осталось четыре минуты.

Но было глупо пытаться забрать силой.

Он одним точным ударом опрокинул меня на пол, после чего подкинул капсулу и скучающе на нее посмотрел. Я тут же вскочил и злорадная ухмылка скользнула на лице амбала, после чего он едва слышно прошипел:

– А я говорил тебе, пидор, что ты пожалеешь.

После чего со всей дури бросил капсулу на пол, и размазал ботинком остатки стекла и раствора по полу.

Две минуты.

Глава 2.

-1-

Первые три секунды я тупо смотрел на эту мокрую лужу.

– Дьюэд, Ричардсон! – разозлился историк и вскочил с места – оба к директору со мной!

Брайс гоготал. Его дружки с парт тоже, хоть и приглушенно, чтобы не попасть под общую раздачу.

– Зырьте, как его ломать щас будет! – заявил он – нарики они такие. Дозу не принял – и сразу изгибаются, как дождевые червяки!

Я запустил пальцы в волосы и судорожно сжал с их, натягивая кожу на висках.

– Какого хрена ты сделал, ублюдок тупорылый!? – я резко схватил Брайса за грудки, сам не зная, что хочу с ним сделать – тупой ты кретин, мать твою!

– Дьюэд! – воскликнул историк, но я отпустил Брайса раньше, чем он успел бы проехать мне по носу в очередной раз. Хотя, признать надо, от моего нападкa он слегка растерялся, но мгновением спустя лишь еще сильнее загоготал:

– Я же сказал! Вы гляньте, как ему башню рвет! Слышь, педик, а на чем ты сидишь? Ну, помимо очевидного – он вновь заржал, схватившись за свою ширинку.

Так и бросив свои вещи на парте, за партой и где угодно, я бросился к двери.

– Том! – я услышал голос Лоры, но уже бежал, очертя голову, к выходу из школы.

Минус две минуты.

Уже прошло две минуты, как я должен был сделать инъекцию. Паника стала захлестывать меня с ног до головы. Это было то, что никак нельзя было нарушать. То, где никак нельзя было опаздывать.

Моя джинсовка осталась в школе, но я даже не заметил холодного ветра, когда выбежал на улицу в одной футболке. Не обращая внимания на светофоры, тачки и прочее дерьмо, я ринулся к дому, словно существовала лишь одна дорога, лишенная всяких препятствий.

Взгляд на часы.

Минус семь минут.

Семь минут!

Знакомое покалывание стало пульсировать в области шеи.

– Нет, нет, черт возьми! – чертыхнулся я, забегая на крыльцо бабушкиного дома. Торопясь, я споткнулся и расстелился перед самой дверью, но тут же вскочил и дернул за ручку двери.

Закрыто.

Мать твою!

Я стал судорожно долбать в дверь руками и ногами.

– Открой дверь! Быстрее!! – я уже слышал шаги и причитания бабушки, но продолжал долбать еще громче – быстрее, черт тебя подери!

Щелкнул замок и бабушка недовольно открыла дверь:

– Нельзя подождать что ли? А почему ты..

– Нахрена закрывать дверь днем?! – рывкнул я и пронесся мимо, тут же взлетев по лестнице.

– Почему ты не в школе? – я услышала, как бабушка стала подниматься следом за мной.

Забежав в комнату, я резко закрыл засов на двери и упал на колени перед своим кейсом. От волнения лишь с третьего раза смог верно набрать код, дрожащими руками хватая капсулу.

Ноющая пульсация в шее уже перешла в болезненную острую боль. Я стал дергать шеей, словно эта боль задевала какие-то нервные окончания. Маленький огонек стал разгораться внутри и отходить ко всему телу.

Бабушка стукнула в дверь.

– Том, открой дверь. Почему ты не в школе?

– О, да ладно! – истерично рассмеялся я, быстро набирая в шприц вязкий раствор – ты наконец вспомнила мое имя? Черт, да сегодня просто день открытий!

Тишина. Какое-то время ничего не происходило, после чего я услышал ее шаги. Она спускалась вниз.

Отлично.

Не хватало ее участия в самый неподходящий момент.

Трижды стукнув дрожащими пальцами по основанию шприца, я без всякой обработки вогнал иглу под кожу, быстрее нужного погрузив раствор в кровь.

Откинулся спиной на основание кровати и стал ждать.

Руки все еще трясло – пульсация в шее продолжалась, но я облокотился на кровать и стал смотреть на часы.

Сейчас.

Сейчас.

Должно успеть.

Прошло всего девять минут.

Это не критично. Погано, да. Но не критично. Я же ввел.

– Я ввел – проговорил я, постукивая пальцем по полу – я ввел, все будет окей.

Телефон в кармане джинс запиликал, и его вибрация прошла по бедру. Я еле вытащил его и едва не выронил из рук. Это Лора – звонила по инсте.

Ну да, у нее же нет моего номера.

Я сбросил ее звонок и положил телефон рядом.

Вновь глянул на время.

Скоро.

Острая боль в шее начала утихать, но пульсация все еще продолжалась, а конечности все еще здорово дергало.

Блям!

Сообщение.

Я вновь взял телефон и зашел в директ.

Лора.

«Что случилось? Где ты? Брайса отвели к директору, и он наплел какую-то бредятину, и у тебя теперь большие проблемы. Лучше тебе вернуться и все объяснить, если он городит херню. Seriously, Том».

Словно в подтверждение этому я услышал, как на первом этаже трезвонит стационарная труба. Пульсация в шее уже почти ушла, мандраж в пальцах тоже стал убывать. Я глубоко вдохнул и выдохнул.

По мере улучшения паника так же стала теряться где-то в глубине.

Я уже мог нормально соображать.

И последние десять минут стали для меня такими же туманными, словно я под чем-то был. Я примерно помнил, что делал, но очень смутно и уж точно не смог бы расставить это в хронологии.

Телефон перестал звенеть – послышался приглушенный бабушкин голос. Значит, она ответила на звонок. Минута – и голос затих.

Я ожидал, что послышатся шаги на лестнице – она придет, чтобы устроить мне хорошую взбучку, потому что уверен, этот придурок оказался горазд на выдумки и наплел про меня такое, что хватит на три боевика в стиле Стетхема. Но нет – полная тишина.

Я просидел, прислонившись к кровати, пока все симптомы окончательно не ушли. Голова вновь стала ясной, пальцы полностью под моим контролем, все окей. Вздохнув, я закрыл кейс, убрал его обратно под кровать и спустился вниз.

–2–

– Звонили из школы – бесстрастно сообщила мне бабушка, когда я спустился и встал аккуратно напротив ее кресла. Вернее, какое-то время она даже делала вид, что не видит меня, но когда я продолжил стоять и в упор смотреть на нее, она все-таки открыла рот – нам надо туда явиться сейчас.

– Вместе?

– Да, вместе – кивнула она и выключила телевизор, за которым празднично сидела, смотря какое-то шоу.

Я ожидал, что посыпятся вопросы. Да это и логично. Если ей позвонили, и даже без приукрашенных версий Брайса просто сообщили, что в портфеле ее новоиспеченного внука был найден шприц и капсула, за которые он распсиховался и убежал – следовало задаться вопросами.

Пусть неуместными и нежеланными, но это логично. Но нет, бабушка не проронила ни слова. Лишь когда она уже оделась, а я сидел и ждал ее на кресле, она крикнула мне:

– Я готова, Тод, пошли.

И на неправильном имени вновь был поставлен ненарочный акцент, говорящий о том, что она опять специально исковеркала его. Она помнила, что меня зовут Том. Всегда помнила. И когда ситуация была из ряда вон, как часом назад, она забывала коверкать и заменять имя. Но когда была достаточно собрана – делала это неизменно.

Зачем – все еще вопрос.

В школе на нас (на меня) смотрели, как на какого-то местного уроды или диковинную зверюшку. Теперь уже все без исключения – думаю, бредятина Брайса про мое наркоманство, словно вирус, разошлась в краткие сроки по всей школе. А учитывая, что мой отец был богачом, версия скорее всего подкрепилась тем, что эту зависимость я забрал с собой из прошлой жизни.

Да и насрать.

Проходя мимо шкафчиков, я лениво глянул на свой. Там все так же красовалась надпись «Томас Дьюэд долбится в очко Брайса», только теперь имя этого идиота было замазано, но крайне фигово, что прочитать его не составляло труда. А сверху кто-то успел подписать «Наркотики или ВИЧ?».

Я закатил глаза.

Видимо, моему ящику до конца школы предстоит быть татуированным. Каждый день разным. А когда не останется места – подозреваю, они сами начнут замазывать старые надписи, чтобы написать новые.

Бабушка не оборачивалась ни в одну сторону – смотрела прямо перед собой, пока мы не зашли в кабинет директора. Кажется, время остановилось – потому что там все так же сидел Брайс, словно не выходя с того самого момента.

Однако, теперь он не бычился. Наоборот, нацепил на себя приторную маску хорошего мальчика, который волей судеб попал в плохую историю и теперь крайне сожалеет обо всем, что могло кому-то нанести урон.

А он умнее, чем казался с самого начала.

Хотя, только полный идиот при подобной ситуации продолжал бы ржать, материться и говорить, что я «долбанный педик» который получил «свое наказание» в виде раздавленной капсулы, которую он же сам нашел в моей портфеле путем копания в чужих вещах.

Несмотря на то – что главный акцент сделан на мне, он в этой ситуации тоже оказался по уши в дерьме. И судя по его невинному взгляду – он отлично это понимает.

– А вот и мистер Дьюэд – директор сухо глянул на меня, после чего перевел взгляд на бабушку и сдержанно кивнул – миссис..?

– Дьюэд – сообщила она – только я мисс.

– Прошу прощения, мисс Дьюэд. Присаживайтесь.

Он указал нам на два стула рядом с Брайсом. Я сел на крайний, чтобы даже не видеть этого придурка.

– А где предки Ричардсона? – бросил я.

Директор перевел на меня взгляд, полный скрытого презрения.

– Присутствие родителей Брайса не обязательно. Не в его учебных принадлежностях были найдены шприц и капсула.

Я усмехнулся:

– Ага, а почему никто не задается вопросом, как он их там нашел? Он просто рылся в моих вещах, но теперь всем на это насрать.

– Мистер Дьюэд!

– Я не рылся – фыркнул Брайс и тут же повернул свою моську к директору – я знал, что ищу.

– О, ну это многое меняет – саркастично хмыкнул я.

– Откуда тебе было известно, что ты там найдешь, Брайс? – поинтересовался директор, словно за это время не успел провести свой допрос на минималках по полной программе. Уже вся школа знала версию Брайса, а он делал вид, что только при нас начинает узнавать все.

– Ну, произошло все еще вчера.. – она начал пищать, словно до смерти запуганный. Учитывая, какой он был шкаф, что еле помещался в ширину кабинета – это было чертовски смешно и глупо. Но, кажется, видел это только я.

– Что произошло вчера?

– Томас.. он попросился в уборную. Вернее, поссорился с нашим педагогом, потому что вел себя грубо.

– Это правда, Том? – теперь он перевел взгляд снова на меня.

– Бред собачий – фыркнул я – я просто не посчитал нужным рассказывать всему классу, что иду пописать, но оказалась – это необходимое условие. Теперь буду знать.

– Выбирай выражения, Томас. Продолжай, Брайс.

– Но он ходил не в уборную. Вернее, в уборную, но не справить нужду.

Надо же, каким он вдруг стал изысканным на лексикон!

– А ты свечку держал?

– Мистер Дьюэд! – стукнул ладонью по столу директор – сначала говорит Брайс, потом вы. Никто не перебивает, если я не задаю вопросов. Понятно? Продолжай, Брайс.

– Дело в том, что он хотел уйти с портфелем, но ему не дали, и он тогда что-то оттуда достал. Я заметил шприц, когда он пытался незаметно запихнуть его из ладони в рукав кофты. Я понял, что здесь что-то не то и попросил своего друга сходить за ним.

– А ты всегда такой участливый? Это так трогательно – улыбнулся я – твоя забота обо мне впечатляет, малыш.

Я послал воздушный поцелуй. Лицо Брайса исказилось в ярости, а терпение директора лопнуло. Хотя я рассчитывал на то, что первым лопнет терпение Брайса – он снимет свою маску и все встанет на свои места.

Но не повезло.

Сегодня был не мой день. Определенно.

– Еще одна вольность с твоей стороны, Том, и я буду вынужден отстранить тебя от занятий на три дня!

Бабушка продолжала делать вид, словно она здесь вообще не сидит.

– Продолжай, Брайс – кивнул директор. У меня был большой соблазн сказать это раньше заместо него, но тогда я рисковал нарваться на еще большие неприятности.

– Так вот, я попросил своего друга сходить за ним..

Я вспомнил того амбала, который зачем-то стоял в сортире не на своем этаже. Дружок Брайса. Теперь понятно, что он там делал.

– И что же?

– Ну, Крис сказал, что Томас вышел из кабинки, и что-то тщательно скрывал в руках. Ему показалось, что там была капсула.

– Значит, вы сделали вывод, что мистер Дьюэд выходил в уборную со шприцом и капсулой? И это натолкнуло вас на какие-то выводы?

Конечно, если так помогать ему наводящими вопросами, то даже если бы не натолкнуло – сейчас бы он резво сообразил. Я закатил глаза и откинулся на спинку стула, задрав ногу на ногу в мужской вариации – параллельно полу.

– Да. Ну.. поскольку отец Томаса был сами-знаете-кем..

– Волан-де-Мортом – не смог сдержаться я, кивнув – тот, чье имя нельзя называть.

Теперь я повернулся к Брайсу, который вновь раздраженно сжал челюсть:

– И я тоже черный маг и найду на тебя проклятие импотенции. Ой, прости – я приложил ладонь ко рту – это уже сделала за меня природа. Ладно, иди с миром.

– Мистер Дьюэд! Вы отстранены от занятий на три дня!

– Извините – бабушка, наконец, подала голос.

Наверное, перспектива терпеть меня дома все три дня заставила ее очнуться.

– Извините, Том просто нервничает, он очень огорчился подобным слухам и позже, если вы позволите, я объясню почему. Можно дать ему последнее предупреждение?

Директор снисходительно глянул на мою бабушку.

– Только из уважения к вам – после презрительный взгляд на меня – последнее предупреждение, парень. Брайс..

– Да.. Так вот, из-за того, что отец Томаса был.. – он замолчал – был состоятельным, я конечно же решил, что это наркотики. Но я решил проверить, прав ли я. И когда Томас ушел на перемене..

Я иронично поднял руку, поддерживая локоть другой, словно примерный первоклассник. Директор неохотно кивнул мне, давая слово.

– А могу я сказать, почему я тогда ушел на перемене? Потому что любезный мистер Ричардсон разбил мне нос. А за что? Если вы пойдете к моему ящику, то увидите похабную надпись касательно рода занятий моего досугового времени. Она принадлежит нашему мистер Ричардсону. Он сделал это баллончиком, который не стереть. И потому я добавил в конце его имя. Это так сильно оскорбило мистер Ричардсона, что он устроил надо мной физическую расправу, из-за которой мне и пришлось покинуть кабинет.

Было видно, что директор не доволен этим новым обстоятельством.

А Брайс начал выходить из себя:

– Я ничего не писал у него на ящике!

– Да, я сам это написал. Люблю заявлять о себе миру.

– Я не понимаю вообще, о чем он говорит!

– Ага.

– Тишина! – директор стукнул ладонью по столу повторно, смерив нас обоих недовольным взглядом – Томас, у тебя есть доказательства того, что Брайс причастен к этой надписи?

Я пожал плечами.

– Я же говорил! – фыркнул Брайс – он просто это наврал! Я уже потом, когда стоял с друзьями рядом, увидел что он что-то пишет на своем ящике. Решил подойти, посмотреть – а там мое имя фломастером подписано. Я вообще не понял, за что мне прилетело! Типо, какой-то тип написал на его ящике, а он сразу меня в гомики зачислил? Это как-то ненормально, да? Вот за это я ему и врезал.

– Мистер Ричардсон, выбирайте выражения.

– Извините.

– Выходит, Томас, это не Брайс оскорбил тебя, а ты поглумился над ним. Я правильно понимаю?

Я ухмыльнулся и пожал плечами:

– Окей, пусть будет так.

– Выходит, вы еще и задираетесь до учеников школы?

– Мне же делать не хрен, писать на своих ящиках о сексуальных связях с одноклассниками! – я вскинул руками – нет, серьезно, я даже не собираюсь что-то говорить. Это бесполезно, к черту. Даже не буду лезть в это дерьмо.

– Выражения, мистер Дьюэд!

– В эту клоаку – поправился я, демонстративно растягивая гласные буквы последнего слова.

– Брайс, продолжай.

– Так вот, и когда он ушел на перемене, я осмотрел его портфель, чтобы попросту не обвинять его. И нашел там новую капсулу и новый шприц. Я взял их, а когда Томас начал их искать, продемонстрировал нашему педагогу.

– Ты их разбил и растоптал – фыркнул я и деловито обратился к директору – ах да, занесите еще, пожалуйста, в протокол, что он публично нарек меня «пидором».

– Мистер Дьюэд!

– Не пидором, а педиком! – взбесился Брайс.

– Мистер Ричардсон!

– Ну да, пидор то у нас в классе только один.

– ЗАМОЛЧАЛИ ОБА!

Он вскочил из-за стола.

– Вы у тетушки в гостях или где? Вы вообще имеете представления, с кем и как вы разговариваете?!

– Извините – буркнул Брайс.

– Извините – повторил я равнодушно.

– Потерянное поколение – буркнул он и сел обратно – итак, в общем, Брайс. Твои подозрения подтвердились и ты нашел капсулу со шприцом, которые впоследствии разбил?

– Я хотел отдать их учителю! – заявил он – но этот чокнутый набросился на меня и я выронил их. А пытаясь удержаться на весу, видимо наступил, а там уже под ноги не смотрел.

Красиво поет. Кто бы мог подумать.

Я вновь поднял руку.

– У тебя есть, что добавить, Томас?

– Да. Этот «чокнутый», как сказал мистер Ричардсон, набросился на него уже после того, как тот демонстративно разбил капсулу. И это может подтвердить весь класс, включая учителя.

– Это правда, Брайс?

– Дудки! Он кидался на меня два раза! В первый я как раз и выронил капсулу, а во второй он кинулся уже после этого.

– В первый раз я не кидался на него, а просто хотел ее забрать.

– Но послужили причиной того, что Брайс выронил капсулу.

– Не выронил. Он меня швырнул, и только после этого нарочно кинул ее на пол и растоптал.

– Это правда, Брайс?

– Ага, ну конечно! – фыркнул я – он сложит руки в молитве и признается во всех своих грехах!

– Нет, это не правда.

Я вновь закатил глаза, чувствуя, что решение в этот раз будет не на стороне правды.

– Ладно, это уже не важно – заключил директор – важно то, что этот шприц и капсула правда принадлежали вам, мистер Дьюэд?

Глупо было это отрицать. Я боролся за них при всем классе. Облизнув губы, я кивнул.

– Попрошу ответить.

– Да, это были мои вещи.

– И что это было?

Но не успел я открыть рот, как бабушка второй раз за всю беседу оживилась, нацепив на себя маску крайне добродетельной старушенции.

– Извините, ..?

– Мистер Браун.

– Извините, мистер Браун. У Тома сахарный диабет, и это была необходимая инъекция. А разбив капсулу, Брайс поставил его здоровье под угрозу. Потому Тому пришлось срочно бежать домой за другой капсулой.

Я сидел в шоке, но на лице моем все так же была натянута невозмутимость. С чего бабушка решила мне помогать? И почему даже не задалась вопросом о том, что действительно было в моей капсуле и чем я колюсь?

– Сахарный диабет? Разве для них нужны не специальные инсулиновые шприцы? А из портфеля вашего внука был изъят обычный.

– Он у него с детства, и мы уже привыкли обращаться такими.

– Странно.. –директор сощурился – знаете, мисс Дьюэд, просто у моей супруги тоже сахарный диабет, и инсулиновая инъекция делается обычно на ночь. Ну или на ночь и утром. Но чтобы в полдень?

– У каждого индивидуально – сжала она губы – когда Том жил с отцом, то учился в частном лицее, где уроки начинались только с полудня. Он просыпался не раньше, потому это вполне можно было считать утром. Или вы ставите диагноз моего внука и мои слова под сомнения, мистер Браун?

Бабушка изобразила на лице такое искреннее оскорбление, что директор неловко тряхнул плечами.

– Думаете, если бы я не знала, что за шприцы таскает мой внук в школу, я бы стала бы тут вам лгать? Да я бы первая забила тревогу, вы не так не думаете?

– Я просто полагал, что когда он жил с отцом..

– То был наркоманом? – она нахмурилась – мой сын был приличным человеком, а его состояние никак не вводит его или его сына в ранг наркоманов. Вам не кажется, что вы сейчас обвиняете все мою семью без каких-либо оснований, мистер Браун, когда в пору бы было лучше поинтересоваться, что позволяет себе второй ваш ученик, роясь в вещах Томаса и увеча его в первые же дни?

Бабушкина актерская игра заслуживала Оскара. Впрочем, моя тоже – ведь я все еще отменно изображал саму невозмутимость, хотя был изумлен не меньше Брайса подобным раскладом.

Директор неохотно перевел взгляд на Брайса, который теперь выглядел совсем иначе, чувствуя, как горит его зад прямо сейчас.

– На этот счет нам и правда придется разобраться, Брайс. Даже если ты полагал, что у Томаса наркотическая зависимость и хотел ему помочь, следовало обратиться к педагогу или ко мне, но точно не самостоятельно без позволения копаться в его вещах и что-то извлекать.

Надо же, как быстро мы поменялись местами!

Только что меня обвиняли во всех смертных грехах, а теперь под все раздачи попал один лишь Брайс. И только благодаря бабушкиному напору и байке про мой сахарный диабет. Удивительно, что он даже справки о моей так называемой болячки не попросил. Бабушка умеет быть убедительной.

Брайс начать бурчать что-то невнятное, но уже по уши застрял в дерьме. Директору надо было кого-то наказать за случившееся – а раз я оказался полностью невиновен да еще и жертва со своим сахарным диабетом, то он вознамерился раздать с лихвой за двоих все Брайсу.

Минут через десять нас всех троих отпустили, но мистер Браун пообещал моей бабушке, что свяжется с родителями Брайса и урегулирует сложившуюся ситуацию.

– Благодарю – кивнула бабушка.

Когда мы вышли из кабинета директора, понятное дело, на уроки уже можно было не идти, все они закончились. А портфель с моими шмотками мне отдали в кабинете. Кто и как его туда принес – рассказать не удосужились, но подозреваю что это дело рук Лоры. Ну или кому по наказу пришлось.

Когда мы с бабушкой пошли домой вместе, я ожидал, что вот теперь-то начнутся распросы и обвинения, по типу «я тебя выгородила, но теперь, будь добр, объясни, что это за шприцы у тебя были в вещах?». Но нет, она молчала, словно у меня и правда был сахарный диабет.

Я было хотел спросить, что все это значит – но потом решил, что мне на это плевать. Если задам вопрос я – задаст и она, а у меня не было никакого желания объяснять природу своих капсул и все в этом роде.

-3-

– Я к себе – бросил я ей, когда разулся, а она уже успела уйти в гостиную.

– Хорошо, Тод – услышал я оттуда ее будничным тон.

Тод.

Но надо заметить, в кабинете директора она ни разу не оговорилась. Значит, этот спектакль был не в принципе на публику, а исключительно для меня, иначе бы она путалась в Тодах и Тедах и при директоре.

Я поднялся к себе в комнату и прикрыл дверь. Глянул на часы – вся эта суета заняла достаточно времени, и уже было практически два.

Завалился на кровать и взял телефон, который принялся блямкать прямо у меня в руках. Многочисленные смс от Лоры. Я зашел в директ.

«Ну что там?»

«Как все прошло?»

«Слышала, ты пришел с бабушкой»

«Напиши, как освободишься»

«Лучше позвони».

«Том???»

«???»

Не успел я прочитать последнее сообщение, как пришло новое:

«Сукин ты сын, я ведь вижу, что ты их прочитал!»

Я устало ухмыльнулся и нажал на видеозвонок. Пара гудков – и она ответила. Камера была по обыкновению отключена, но прошло не больше двух секунд, как Лора-таки позволила своему изображению занять пол экрана.

Ее лицо было раздраженно и рассеянно одновременно, однако она усердно пыталась показать лишь первую эмоцию.

– Какого черта, Том? – первое, что она сказала.

– Все окей – отозвался я, лениво растягивая гласные и зевая – Брайсу вставили люлей, а я мальчик-молодец. Бедный ущемленец, но все лучше, чем то, что было в начале.

– Мальчик-молодец? – она подозрительно нахмурилась – это как?

– Впервые решение оказалось на стороне правды. Для Чандлера это редкость, да? – я усмехнулся, но Лора продолжала быть серьезной.

– Я не об этом. Что было в той капсуле?

– Инсулин.

Расщелина между ее бровями стала еще глубже.

– Инсулин?

Не верит.

– Да, инсулин. Я диабетик.

– Ты не говорил.

– Извини, мамочка, больше такого не повторится – я закатил глаза и рассмеялся – да забей, главное что Брайс огребет. Хоть раз в жизни.

– Не думаю.

– Почему это? Браун сказал, что свяжется с его предками.

– Ага, чтоб пивка выпить.

– В смысле?

– Мать Брайса – его родная сестра. Это все знают.

– Вот сукин сын – усмехнулся я – тогда все понятно.

Вот почему он так выгораживал этого придурка.

– Что понятно?

– Да ничего, забей.

– И все-таки, ты не похож на диабетика.

– Не знал, что они как-то отличаются внешне. Ты не путаешь нас с альбиносами? Или с даунами? Если хочешь, я могу конечно пустить слюну, но выкрашивать волосы в белый будет проблематично.

– Том, я серьезно.

– Ага.

– Что это были за капсулы? Это не инсулин.

– Инсулин.

Мне понравилась бабушкина версия, и я намеревался отнекиваться ею ото всех любопытных. Кто-то продолжит верить в версию с наркотой, но кто-то захочет узнать новую.

– Думаешь, откорячился разок от директора и все стало окей? У тебя все так просто!

– Не люблю, когда сложно – я опять зевнул.

– Ты глупее, чем я думала, если считаешь, что этим все кончится.

– Нет, что ты – кивнул я – начнется вселенский заговор и слезка за мной с целью поймки на горяченьком. Кстати – я сыграл бровями – меня часто можно поймать на ком-нибудь горяченьком. Модели, например. Я их люблю.

Лора закатила глаза и я рассмеялся.

– Ты придурок. Я знаю Брайса – он не спустит тебе все так на тормозах. Если, конечно, у тебя так реально инсулин – то можешь не париться..

Она подозрительно сощурилась, словно сканируя меня насквозь:

– .. но если это все-таки что-то другое, то очень скоро об этом все узнают. Даже если ты будешь постоянно таскать с собой портфель. Если продолжишь носить капсулы в школу – история продолжится.

– Прямо как в таинственном острове – кивнул я.

– Иди ты в задницу – фыркнула она.

Но было видно, что раздражилась Лора не моей беспечностью, а тем, что я не сказал ей правду.

– Знаешь, дело твое – заявила она – но если ты вдруг захочешь рассказать мне, что было в тех капсулах, то можешь быть уверен – я не тот человек, что треплется обо всех тайнах направо или налево.

– Конечно, для этого надо иметь хотя бы друзей, чтобы трепаться направо и налево – согласился я.

– А чтобы вколоть инсулин совсем не надо сверять время по секундам – парировала она. Я изогнул бровь.

– Да, ты просто так часто пялился в свои часы перед всей это заварушкой, что сложно было не обратить внимания. И тебя сильно начало колбасить, когда он разбил капсулу. Насколько я знаю, при сахарном диабете не идет счет на минуты.

– Да, идет на секунды – равнодушно протянул я – у тебя тоже предки болеют или просто сегодня все заделались знатоками диабетиков?

– В смысле?

– Браун тоже сказал, что у него жена болеет и все заявлял, что инсулин вкалывают только утром и ночью. Вот ходишь рядом с людьми и не подозреваешься, что все они поголовно такие ученые умы – я усмехнулся.

Она сжала губы, словно собираясь в чем-то меня обвинить, но в итоге лишь презрительно фыркнула:

– Я вообще-то тебя прикрывала.

– Правда? – я театрально вскинул брови в удивлении – я вроде не был на войне, или ты говоришь о моей прошлой жизни?

– Придунок. Я серьезно. Все время, пока ты хрен знает где был, я вилась возле Брауна и все пыталась представить тебя с выгодной стороне.

– Какой смысл, если Брайс его.. кто он ему получается.. племянник, о. Если Брайс его племянник.

– И принесла портфель.

– За портфель мои благодарности, мадам – ухмыльнулся я – я так и думал, что это ты.

– Но при всем этом продолжишь втирать байку про инсулин?

– Извини, если такая правда для тебя слишком скучна, но больше мне нечего сказать – пожал я плечами – я диабетик. Это скучно, но истина. В последней инстанции.

– Как хочешь – она как-то странно дернула плечами и добавила как бы между прочим – но ты прав, у меня был друг, который тоже был диабетиком. И что я знаю наверняка – инсулин не тянется, как сопля или плохо разбавленный кисель. Он как вода. Как любой нормальной раствор.

Она вновь дернула плечами, выражая свое полное безучастие к тому, что говорила, но на деле лишь невербально сообщая, как нервничает:

– А когда Брайс разбил твою капсулу, жидкость с большим трудом вытекла на пол, но легко размазалась по нему, словно какая-то слизь. Интересный нынче инсулин. До чего дошел прогресс.

Я промолчал, ожидая, что она скажет следом.

Но Лора тоже какое-то время молчала.

– Может, Брайс и настолько туп, что не смог заметить этого или понять, а может просто не сталкивался с инсулином. Но это точно не он. Я вообще опасаюсь подумать, что может иметь такую консистенцию. Впервые вижу, чтобы нечто подобное вообще вводили в кровь.

– Спасибо, за медицинскую лекцию, «уже не Королева Школы» – ухмыльнулся я – но от нее меня что-то склонило в сон.

Я театрально зевнул.

Она показала мне средний палец, как обычный жест прощания, и мы разъединились. Я все реже угадывал в ней девчонку – Лора становилась для меня самым настоящим другом, с которым можно потрепаться о фигуристых девочках, баскетболе и новой модели ламборджини.

Но слишком сообразительным другом – что не всегда хорошо. Она подметила такие детали, которые, обнаружившись, без труда раскусят бабушкину ложь. Оставалось лишь надеяться, что ее язык такой же длины, что и волосы на висках.

Я свесился с кровати вниз головой и достал из-под нее свой кейс. Ввел код, все так же удерживая равновесие на кровати, и открыл его.

13 капсул.

Меньше, чем на две недели.

Понятия не имею, где отец покупал их, потому проще будет сделать так, как я и собирался. Заложить пару своих вещиц, а на вырученные баксы отправить одну из капсул в лабораторию. Узнать состав и подпольно дать на лапу кому-нибудь за партию этого дерьма.

Думаю, это не станет проблемой.

Даже там, где доступ не могут гарантировать деньги – может фамилия. А с моей громкой фамилией – пока что ее носителя не позабыли окончательно – двери пока открывались легко.

-4-

Через пару часов я созвонился с Марком, чтобы не откладывать это в долгий ящик. 13 капсул – конечно, не 3, но лучше иметь заранее нужное количество, чем в нужное время остаться без единой штуки.

Марк Стивенсон – был нариком из ЛА, который по стечению обстоятельств, оказался там моим хорошим приятелем. Вернее даже, не по стечению обстоятельств, а по стечению капиталов наших отцов. Его папаша тоже подтирается баксами и не смотрит на ценники. В общем, типичный богач из книжек нашего времени. Мы ходили с ним в один лицей, там и пересеклись. Марки рано подсел на мет, и потому вскоре он перестал его вкатывать, что было вполне ожидаемо. Он испробовал все дерьмо, которое только мог, до того как нам обоим стукнуло по 16. И когда всё оно перестало его брать – он и подкормил одну лабораторию.

Там вроде как работал какой-то знакомый его папаши, а потом он сам дал ему на лапу и так вышло, что оттуда он стал получать годную наркоту. Нечто, покрепче амфетамина и кокса, и к чему у него еще не сложилось привычки и адаптации. Штырило его не по-детски.

– И этой дури нет больше ни у кого – постоянно кичился он – только у меня, сечешь? Они готовят это специально для меня. Убойная зараза.

Тогда мне было как-то все равно, но теперь наркоманство Марки сыграло мне на руку. Я попросил его отнести мою капсулу в эту лабораторию, чтоб они узнали состав, и сказали, сколько выйдет по деньгам сделать мне партию такого.

– Скажи, что если у них все получится, я стану постоянным заказчиком – заявил я, прижимая айфон к уху – настолько постоянным, что им представить сложно.

Марк хмыкнул:

– Окей, передам. Слушай, а что это такое?

– Ничего стоящего. Так, по здоровью.

– У тебя же отменное здоровье.

– Не все так просто, чувак – усмехнулся я – не все так просто. Как думаешь, сколько ждать придется?

– Черт, ну я не знаю – молчание – ну мне они делали пару дней, но если у тебя уже есть готовая хрень, которую просто надо поставить на поток – то это намного проще. Я так думаю. Наверное, завтра состав будет готов, а через пару дней и сам товар.

– Было бы круто.

– Я тебе звякну, как они мне сообщат. Только знаешь, это стоит будет прилично, ты же в курсе? У тебя остались деньги от папаши или где еще?

– Деньги не проблема – я зевнул – ладно, Марки, давай. На созвоне.

Я отключил его. Что мне нравилось в Марке – его любопытство никогда не оказывалось навязчивым. Возможно, причину следовало искать в вечно наркотически опьяненном сознании, или в последней оставшейся извилине, что плавает в отцовском виске – но эта его черта мне определенно симпатизировала.

Капсулу я уже отправил ему скорой доставкой, вторую положил в портфель на завтра. Теперь в кейсе, который я закрыл и запихал под кровать, тщательно запотрошив носками на тот случай, если в мое отсутствие бабушка становится Шерлоком Холмсом, осталось 11 капсул.

Я притянул к себе макбук.

Подозреваю, именно его я заложу, когда придет цена. Вполне возможно, придется сказать гудбай и своим часам. С телефоном буду прощаться в последнюю очередь, когда не останется ни единой шмотки, что можно продать, потому что он мне нужен больше всего остального, а ходить с дешевой глючной лопатой совсем не хотелось.

-5-

Когда я пришел в школу, то первым делом обратил внимание на свой ящик. Надпись «Томас Дьюэд долбится в очко» никуда не исчезла, как и надпись «Наркоман или ВИЧ?», только теперь к ним прибавилась еще одна – она была написана по диагонали сверху вниз, занимая весь ящик в длину:

«Бабушкин внучок-пидорок»

Даже не удивительно. Я бы больше удивился, если бы сейчас обнаружил все эти надписи замазанными. Впрочем, это логично – если бы у моей матери брат был директором школы, я бы тоже делал, что хотел. Собственно, при своем отце я и делал, что хотел.

Почерк про мою ориентацию и бабушкиного внучка был разный – значит, эту надпись написал не Брайс, но не удивлюсь, что Крис. Тот самый его дружок, что караулил меня в сортире.

– В этой школе полно кретинов – буркнула мне через плечо Лора, вновь выпрыгнув хрен знает откуда, словно черт из табакерки. Она внимательно смотрела на новую надпись и в ее глазах сквозило знакомое воинственное раздражение.

– Да ладно, меня прикалывает – усмехнулся я – это искусство. Они самовыражаются. Когда-нибудь мне за это дадут десять тысяч баксов, поставят в рамку и повесят на стену особняка на Беверли-Хилз.

– Стяни улыбочку – хмыкнула она – Брайс уже всей школе растрепал, как ты свой слюнявчик жевал, если не в курсе.

Я закатил глаза, достав нужный учебник из ящика.

– Ага, а про то, как он заикался при каждом замечании Брауна, трясясь как долбаная чихуахуа – он не рассказал?

– Нет, наверное забыл – она невозмутимо пожала плечами – был слишком увлечен рассказом о том, как твоя бабушка вытаскивала твою задницу перед директором, кланяясь ему в ноги и умоляя тебя простить на первый раз.

– Вот же сукин сын.

– Ага. Еще он сказал, что у тебя диабет – на последнем слове Лора изогнула бровь и внушительно глянула на меня – и теперь на твоей парте полно разных сладостей.

– Какая прелесть. Я польщен вниманием – ухмыльнулся я.

– Ну раз ты у нас диабетик и есть тебе их нельзя – то можешь отдать мне.

– Без проблем. Забирай.

– Отлично, потому что я уже это сделала.

– А тебе палец в рот не клади.

– А ты думал.

– Только что пообъемнее.

Лора больно ткнула меня локтем в бок, и вместо смеха я застонал, схватившись за него.

– Так тебе и надо, придурок.

Однако, когда я зашел в класс, часть сладостей уже вновь образовалась на моей парте. Какие-то дешевые леденцы, конфеты, пара чоко-паек и даже сладкие таблетки от кашля. Я скептически оглядел их.

– Угощайся, педик – загоготал Брайс, обернувшись ко мне на своем месте, чему последовали и его дружки – все для тебя.

– Только сильно на жевательные не налегай – прогнусавил Крис, словно у него нос с рождения заложен, и от вечной нехватки кислорода он так сильно и отупел – а то жопа слипнется и все любовнички разбегутся.

– По опыту знаешь? – осведомился я.

– Закрой свою пасть, говноед – но Крис явно не был настроен меня мутузить после вчерашнего, потому даже не порывался встать. Гавкал со своего места, как и Брайс.

В какой-то момент соблазн взять и за минуту сожрать все сладости, чтобы эти кретины от изумления сдохли, стал просто невыносимым. Ставлю сотку, они бы только через пять минут догнали, что к чему.

Но это была рискованная авантюра, все должны были продолжать считать, что я диабетик. Потому я равнодушно кивнул Лоре на свою парту, предлагая освободить ее.

Она как-то вопросительно глянула, словно сама не зная, хочет ли брать.

– Решай реще – заявил я – или я выкину в мусорку, если не хочешь.

В итоге, она кивнула и взяла сладости в две жмени, но едва она это сделала, Брайс переключился на нее:

– Эй, дружище, ты тоже жевательные сильно не жри. Или ты натурал? Ну тогда насрать.

– Ну как насрать – заржал Крис – а вот именно что срать тогда как?

– Идиоты – фыркнула Лора и уронив сладости на свое место, показала каждому по среднему пальцу.

Но Брайса и Криса это уже не занимало – у них появился более серьезный вопрос, который они с запалом обсуждали: можно ли посрать со слипнувшейся задницей.

Глубоко интеллектуальные беседы старшей школы Чандлера.

-6-

В полдень я вновь удалился с капсулой в туалет, и на этот раз уже не прятал ее со шприцем в рукаве – напротив, как можно демонстративнее махал ими перед носом Брайса, проходя мимо него. Челюсти у амбала сжались, но он ничего не сделал.

Последним уроком должна была быть история Штатов, и я подошел к ящичку, чтобы взять оттуда тетрадь, а учебник оставить. Лора, как всегда, вилась вокруг меня, что-то непременно рассказывая, но в таком тоне, словно она либо угрожала, либо была чем-то глубоко возмущена.

Иного было не дано. Даже если она радовалась – тон был грубоватый, резкий, а фразы оборванные. Отец всегда говорил, что человек, у которого прирост состояния зависит от взаимодействия с людьми, должен уметь красиво говорить. Уметь располагать людей.

Сам он зачесывал, словно змей-искуситель, и парочке приемчиков научил в свое время меня. Например, всегда говорить на октаву ниже, но не шепотом и четко, чтобы собеседнику не пришлось переспрашивать или чувствовать себя глухим идиотом. Всегда стараться сглаживать согласные, чтобы они не «рычали». Речь должна напоминать мягкие уговоры, или спокойную колыбельную, а не немецкий гимн. Говорить следует на долю немного медленнее, словно лениво – потому что быстрый говор заставляет человека напрягаться, пытаясь успеть услышать все слова и верно уловить смысл. При любой фразе нужно улыбаться или, если даже что-то бесит, слегка ухмыляться. Выражать ту или иную эмоцию, трактуемую улыбкой. Негатив – отталкивает собеседника и затрудняет шансы склонить его в дальнейшем на свою сторону.

Правда, несмотря на это, при мне отец улыбался очень и очень редко. Постоянно сосредоточенный, серьезный, чем-то озадаченный и вдумчивый. Со временем его улыбка перестала вызывать по мне радость – если он вдруг ни с того ни с сего лыбился, значит собирался втереть мне какую-то ерунду или озадачить очередной просьбой, требованием или приказом.

Проще было, чтобы он не улыбался, но всякие такие ухищрения в общении и то, как он это объяснял, мне нравились. Они были клевыми и он постоянно показывал на своем примере, так что я быстро этому научился.

Только теперь мне это нафиг не надо – судя по всему, продолжать дело отца мне не суждено, а заниматься всякой херней среднего класса можно без улыбок и обольстивших речей.

Я как раз уже закрывал свой шкафчик, как Лора резко замолчала. Ее оживленная грубоватая речь и резкое тотальное молчание так контрастировало, что я обернулся. Ее глаза вперились куда-то вперед, в сторону входа. Я глянул туда же.

К нам шел высокий широкоплечий мужчина. Папа называл таких даже мужланами – потому что в них не было ничего эстетичного, и самым клевым в «мужчинах» они считали массу, умение ломать дрова топором, самим ремонтировать дом и держать «в узде» жену. Отец считал, что это возникло из-за того, что у них нет денег, а как-то выстебнуться надо. Типо, не «мне не хватило денег на ремонт», а «я слишком рукаст и мозговит, чтобы нанимать для этого рабочих, сам лучше них сделаю» и тому подобное.

И вот теперь это чудо шло прямо к нам, грозно нахмурившись. В том, что он идет именно к нам, сомнений не было – широкие, грубые шаги, руки в карманах, взгляд точно на нас. Словно никакого не видит вокруг.

Я ухмыльнулся и глянул на Лору:

– Кто этот придурок?

Но она молчала, словно замороженная его появлением. Вся ее мимика разом сползла – я словно видел перед собой пятилетнюю девчонку, стащившую конфету из буфета как раз тогда, когда в комнату зашла мать.

– Эй – я хлопнул ее тыльной стороной ладони по плечу – кто это?

– Мой отчим – голос тихий, более совсем не грубоватый – что он здесь делает? Черт – Лора резко обернулась ко мне, словно желая, чтобы я растворился, но тут же пробормотала себе под нос – нет, он тебя уже видел..

Пара шагов – и мужлан остановился перед нами. Лора сделала едва заметный шаг в сторону от меня. Теперь между нами было расстояние вытянутой руки.

Он сурово перевел взгляд с нее на меня и обратно.

– Что ты делаешь рядом с этим парнем? – его голос звучал требовательно, грозно, словно разом и спрашивая, и вынося наказание – кто он, Лоретта?

Лора тут же заложила руки за спину, и дернула плечами:

– Это мой напарник. Нам вручили общую работу и мы ее обсуждали.

Ложь с ее губ слетала так уверенно и быстро, что я бы сам поверил в нее, но сейчас еле сдерживал усмешку.

– Я требовал, чтобы тебя не ставили в пару с парнями! – прорычал он и стукнул по соседнему ящичку так, что на нас обернулись тут же почти все в коридоре.

– Боюсь, это моя вина, сэр – вмешался я, используя все отцовские навыки речи – я недавно перевелся и Лору, как самую способную из нашего класса, приставили мне помочь, что я не облажался окончательно. Я раньше учился в лицее, и здесь система немного другая. Она объяснила мне азы.

Его мрачный взгляд вновь перешел на меня, словно желая уничтожить. Темно-карие глаза сверлили меня, но я лишь нацепил снисходительную улыбку и слегка опустил голову, показывая, что я не насмехаюсь над ним, а проявляю дружелюбие.

– Недавно перевелся? – процедил он – фамилия, имя.

Мать твою, как будто я на допросе у копов! Не рассмеяться стоило мне больших трудов, когда я с почтением произнес:

– Томас Дьюэд, сэр.

– Дьюэд – повторил он, словно запоминая – из какого города перевелся?

– Лос-Анджелес.

– Причина?

Не, серьезно, как допрос. Лишь ради спасения задницы Лоры – а по большей части ради увлекательной истории о «немного консервативном» отчине, я вновь ответил:

– У меня погиб отец, сэр. Переехал к бабушке по определенным обстоятельствам.

– А мать?

– Не имел чести знать ее.

– Ладно – он слегка расслабился и будто бы даже глянул на нас двоих снисходительно, после чего на его лице (не может быть!) появилась едва заметная улыбка – да, Лоретта у меня способная. Ладно, помоги парню освоится.

Вновь мрачный взгляд:

– Но без глупостей. Я все о тебе запомнил, парень.

– Конечно, сэр.

– А ты зачем здесь? – вмешалась Лора.

– Надо кое-что обсудить с мистером Брауном.

Но едва он скрылся за поворотом, я не сдерживая, рассмеялся, держась рукой о шкафчик и согнувшись трижды.

– Что это, на хрен, было? – сквозь смех проговорил я.

Лора чертыхнулась и как-то неловко прошла рукой по своим коротким волосам.

– Это был мой отчим. Теперь вы знакомы.

– И это ты называешь «немного консервативен»? Да он чокнутый!

Было видно, что Лора пришлось не по вкусу, что он учинил эти разборки в школе и вообще, что я узнал, какой он есть на самом деле. Хотя что здесь такого – тем более, если он ей даже не отец?

Она помялась, словно думая, говорить мне о чем-то или нет.

– Он отбитый на всю голову – повторил я, подавив смех в усмешку – чтоб откорячить тебя, мне пришлось подыгрывать этому идиоту. Напарник? По работе? А почему не .. – я щелкнул пальцами – хотя нет, что-то более тупое сходу придумать сложно. Почему он тебя пасет, как овцу на лугу?

Лора взмахнула руками.

– Потому что он такой вот. Пока мама с ним встречалась, он был вполне адекватным и даже нравился мне, поэтому когда год назад он сделал ей предложение – я была даже рада. Но стоило нам стать пресловутой семейкой, как он заявил, что..

Она отмахнулась.

– Короче, сообщил мне, как по его разумениям, себя должна вести девочка.

Я нахмурился, сопоставляя факты. Лора, должно быть, даже не обратила внимания, что выдала мне парочку дат.

– Год назад поженились? Это как раз тогда, когда ты решила, что не хочешь «чтобы тебя судили по обложке»?

Она нервно закусила губу, дернув плечами, и мне сразу же все стало понятно.

Я усмехнулся, хлопнул ее по плечу:

– Ты наврала мне?

– Понимаешь, тут все не так просто. Он начал гнать какую-то ахинею, и я не хотела этого делать, но мама сказала, что теперь он мой папочка и я должна его с какого-то фига слушаться. Он стал заявлять, словно какой-то баптист, что красятся в школе только шлюхи, потом речь зашла за короткие платья, и вообще он заявил, что вся эта атрибутика нужна лишь потаскухам, что завлекают внимание парней, а нормальной девчонке не пристало иметь парня до свадьбы.

Я уже не сдерживался и смеялся в голос, откинув голову назад, из-за чего Лора раздраженно ударила меня в плечо и сжала губы.

– Я понял.

– Правда?

– Да, ты не трусиха. Ты лгунья. Паталогическая и неизлечимая.

Она возмущенно фыркнула:

– Кто бы говорил, диабетик хренов!

– А я и диабетик.

– Ага, тогда я остриглась, чтоб меня за внутренний мир любили.

– Сумасшедшая семейка.

– Да пошел ты – она вздернула подбородок и ринулась к нашему кабинету.

Я усмехнулся, быстро закрывая шкафчик.

– Эй, подожди, «Уже не Королева», я же пошутил. Лора!

Она неохотно обернулась, словно только и ожидая этого, когда у меня зазвонил телефон. Я достал его.

«Марк».

О, как быстро.

– Марки, дружище – я снял вызов – что, уже могут готовить?

– Слушай, что это все-таки было? – его голос впервые был наделен чрезмерным любопытством.

– Я же говорю, всякая херня по здоровью.

– Не, Том серьезно – что это за дрянь?

– Да какое тебе дело? – усмехнулся я – лучше скажи, они уже дали результаты? Когда смогут сделать?

– Да походу никогда.

Улыбка стянулась.

– В смысле?

– То, что ты прислал, я передал в лабораторию. Мне только что позвонили. В этом дерьме не смогли вычленивать ни одного компонента.

Тишина.

– Ты понимаешь, о чем я, Томи? В этой лаборатории, отстроенной за миллиарды долларов, искусно повторяющей самые сложные нейронные связи, не смогли вычислить ни единого компонента той хрени в капсуле, что ты мне дал. Что там, на хрен? Земля с Марса? Сопли зеленых человечков?

Марк напряженно хихикнул.

– Эй, Том, на связи?

– Да – я нахмурился – подожди, но что значит, никак не смогли? Ладно, плевать на состав.

Просто продублировать это они смогут? Имея в наличии образец?

– Без вариантов, чувак. Они не знают компонентов, это никак не повторить.

– А какие еще есть лаборатории, куда ты сможешь это пристроить?

– Слушай, если в этой не нашли, то можешь мне поверить, тебе это дерьмо нигде не различат на составляющие.

– И что это значит? – мой голос уже напряженно подрагивал.

– Это значит, что черта с два тебе кто-то сделает партию этих волшебных капсулок, если не дашь состав сам.

Глава 3.

-1-

Первые пару секунд я просто молчал.

– Эй, чувак, ты здесь? – прервал тишину голос Марка за несколько миль отсюда.

И вот тогда я рассмеялся. Откинул голову назад, и смеялся, словно долбанутый, во все горло. Ученики опять стали поворачиваться на меня, а я держался за шкафчик и ржал, словно нажрался грибов или нюхнул больше нужного.

– Че, нашел уже местного барыгу? – усмехнулся Марк. Видимо, подумал о том же самом.

Но это был истеричный смех. Потому что мне было не смешно, но я просто не мог остановиться. Чем дольше я смеялся – тем сильнее начинал смеяться дальше. У меня уже болел живот, мне не хватало воздуха, и слезы начали литься из глаз, но я продолжал смеяться.

Лора, озадаченно глядя на остальных, подошла ко мне.

– Том, все в порядке?

Я попытался ответить, но полетели лишь слюни в разные стороны, потому что я зашелся в очередном приступе. Наконец, вероятнее всего, мое лицо покраснело и мне стало невозможно дышать, что смогло так или иначе унять мой припадок.

– Да, окей, Марки – бросил я в трубку – я тебя понял, спасибо.

– Ну так что? Ты дашь им состав или что мне ответить?

– Давай через пару дней отзвонюсь и скажу.

– Окей.

Я отрубил звонок и сунул айфон себе в задний карман джинс, вновь начиная сумасбродно хихикать, хоть и подозревал, как это выглядело со стороны.

11.

Вот сколько у меня осталось капсул.

11.

Вот сколько у меня осталось дней.

На то, чтобы найти состав этих долбанных капсул, хотя я даже понятия не имел, у кого их покупал отец. Почему не смогли вычислить их состав?

– Том? – Лора озадаченно продолжала пялиться на меня. А я вновь начал все сильнее смеяться.

Вместо чего-то успокаивающего или ободряющего, она лишь со всей дури вlepила мне пощечину. Смех разом прекратился, мое лицо вытянулось и я ахнул от изумления, приложив руку к горячей щеке. На нее словно кипяток вылили.

– Какого хрена ты творишь?

– Ты не в себе – невозможно заявила она – надо было привести тебя вот в чувства. Вот теперь более или менее. Так что случилось?

Я тряхнул головой и правда отчасти придя в себя. Натянуто усмехнулся и дернул плечами, парадировав ее:

– Все в норме. Все в полном порядке.

– Слушай, я похожа на местную сплетницу? – фыркнула она – ты ничего мне не говоришь. Ты вот похож, но при этом я тебе достаточно многое рассказала.

– Мне нечего рассказывать.

Я еще раз дернул ящик, забыв, что закрыл его перед звонком Марка.

– Серьезно?

– Да.

– И кто тебе звонил?

– Мой друг, мамочка – закатил я глаза – звал меня гулять, можно? Ну пожааалуйста.
– Придурок.

Она даже не хмыкнула, а скрестила руки на груди. Я равнодушно пожал плечами:

– Пусть будет так.

Весь последний урок я сидел, совершенно не слушая мистера Питерсона. Но больше я и не смеялся, не сокрушался и так далее.

Отец всегда говорил – если есть проблема, то эмоционировать придется позже. Потому что эмоции не просто не решают ее, а еще и мешают решить рассудку. Отчаяние, злость, растерянность, да даже смех – все это способствует лишь отстранению от обдумывания реального решения проблемы, без которого она останется проблемой.

Потому на уроке я серьезно взялся за размышления о том, как я могу решить тот трабл, что встал передо мной. И на решение которого у меня, словно в шахматной партии, ограниченное количество времени.

11 дней.

Что я знал об этих капсулах?

Почти ничего. Их покупал отец, я не знал поставщика, не знал названий этого препарата, а капсулы всегда были прозрачные и нигде не подписанные, даже номера какого-то серийного не было. Потому что они не выпускались для общего рынка.

Это был черный рынок, я почти уверен в этом. Черный рынок власть имущих.

Они не могут вычислить их состав – но и я его не знаю. Возможно, его знал отец, ну или по крайней мере знал поставщика – но теперь он лежал глубоко под землей и если и мог что-то рассказать, то максимум червям, что сожрали его глаза и нос.

Дядя Генри тоже, я уверен, ничего не знал. Если бы ему было известно об этом, он бы спросил меня о капсулах или что-то такое мелькнуло бы. Нет, он совершенно не осведомлен. Отец не рассказывал ему.

Кто мог знать?

Кто еще мог знать об этом и о том, где можно найти поставщика? Где можно найти этот препарат? Или может, сами знали хоть примерный состав? Хоть какой-то компонент?

Я стал лихорадочно крутить в голове всех людей, с которыми общался отец.

В основном это были бизнес-партнеры. За спиной он говорил, какие они тупорылые ублюдки, а в лицо улыбался и подписывал выгодные для себя соглашения. Они точно ничего не знают. Надо искать среди его друзей – но вот проблема в том, что у отца никогда не было друзей.

Никого.

Порой мне даже казалось, что он нарочно их не заводил. Чтобы не мешали его работе, жизни и так далее, как и женщины.

Женщины.

Мать.

Я не знал ее, но с самого детства лет до десяти к нам приходили ее предки. Мои бабушка с дедушкой. Отец постоянно позволял им гостить у нас стабильно раз в неделю. Они рассказывали мне различные истории, веселили, и впрочем-то были клевыми. Потом в один год их визиты просто оборвались. Без причины. Они стали мне звонить вместо гостей – а после и звонки прекратились.

Но до этого времени они принимали посылно активное участие в моей жизни. А на тот момент мне уже делали инъекции этими капсулами не один год. Значит, они должны знать что-то о них. Хотя бы что-то – я в этом уверен.

Звонок.

Все так же в полутрансе, я быстро поскидал все вещи в портфель и так резко дернул замок, что собачка слетела и упала на пол. Я даже не стал ее поднимать и ринулся к выходу, но Лора вновь догнала меня в коридоре, словно какой-то приставучий репей.

– Подожди.

Я вздохнул и нехотя обернулся.

– Слушай, может я могу помочь – она дернула плечами – я не такая бесполезная, как кажусь. Ты помог мне – я хочу помочь тебе. Почему бы не дать мне шанс это сделать?

Я фыркнул:

– Ты мне никак не поможешь.

Но едва обернулся, как она схватила меня за плечо, побуждая вновь остановиться:

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Вдвоем проблемы решить легче, хотя бы потому, что две головы лучше одной.

– Мы что, в долбанном чип и дейле? Нет у меня никаких проблем. У меня все окей – я сложил большой и указательный пальцы в этом жесте – все окей.

– Слушай, я тебе помогла с учебниками, помогла с директором, я постоянно вписываюсь за тебя, когда ты вновь и вновь огребаешь. Если в этом городе и есть тот единственный человек, на которого ты можешь положиться – мне кажется, что это я, разве нет?

Я закатил глаза и вздохнул, после чего усмехнулся:

– Меня просит об откровениях девчонка, которая наврала про отчима? А сама-то чего такая неоткровенная?

Она раздраженно скривилась:

– Но я-то сказала правду. Хотя и тогда могла наплести всякую дичь, уж поверь, я бы сподобилась.

Я отмахнулся и вновь двинулся к выходу. В этот раз она не стала меня останавливать, но обогнала и стала идти спиной вперед, глядя на меня:

– Это из-за тех капсул, да?

Я остановился.

– С чего ты взяла?

– Ты ржал, как чокнутый. Эта истерия. А ты, на удивление, самый уравновешенный из всех, кого я знаю. И единственный раз, когда ты вышел из себя до этого – это когда Брайс растоптал твою капсулу. Твоя проблема как-то связана с ними да?

Сообразительный друг – хуже врага.

А женщины с их интуитивной дедукцией хуже всех вместе взятых.

– Что тебе от меня надо?

– Я хочу помочь тебе. А для этого мне надо знать правду.

Я ухмыльнулся, и она поправилась:

– Ладно, хотя бы часть правды.

– Тебе нужна правда? А зачем? – я вновь насмешливо оскалился – сдать желтой прессе интересный материал? О, думаю, ты неплохо заработаешь на подобной статье.

– Ты идиот и придурок – процедила она – и мне следовало сейчас врезать тебе по яйцам и уйти, но на первый раз я спущу тебе твоё хамство. Может, ты и впрямь плохо меня знаешь, и правда считаешь, что я бы так сделала, а не пытаешься задеть.

Я устало откинул голову назад, словно мог увидеть не потолок школы, а ночное звездное небо.

Ладно, Лора родом из этого города, может она и правда сможет мне пригодиться. Мама тоже была отсюда. Ее предки, как и мать отца, жили в этом городе, где они с папой и познакомились еще до переезда в ЛА. Может, ее помощь понадобится мне, когда я займусь их поисками.

– Ладно, будет тебе правда – кивнул я и указал на заднюю дверь – пошли подальше отсюда, Уже не Королева.

-2-

Когда мы ушли от школы на приличное расстояние, рассекая центральную улицу, я обратился к Лоре:

– Смотрела мультик про чувака с большой головой?

– Мегамозг?

– Да – я ухмыльнулся – да, он самый. У него еще кожа синяя была, да?

– Ага.

– Вот.. собственно, мой рассказ я могу начать так же, как он начал свой – все проблемы начались, как только я родился.

Лора рассмеялась, чего я и добивался. Терпеть не могу серьезных обстановок откровений, когда типо такое доверие и напряженная атмосфера, все друг другу сочувствуют, после чувствуют себя обязанными друг перед другом, ближе из-за общей тайны и всякое такое дерьмо. Это только все усложняет.

А я уже говорил, что не люблю, когда сложно.

– А отец стал мне кем-то вроде той рыбки-помощника – я щелкнул пальцами – как ее..

– Прислужник!

– Да, он самый – я усмехнулся – черная..

– МаамбАА! – мы протянули одновременно и рассмеялись.

– Короче – я вскинул бровь – если коротко, то я родился чертовски рано. Не то, что там на середине девятого месяца или на седьмом, а как я понял от отца, намного раньше положенного. Недоношенный все дела, конечно просто так это не осталось. Я оказался очень слабым, имунка никакущая и любая зараза так и норовила прилипнуть ко мне.

– Типо ветрянки?

– Я не знаю – я нахмурился – нет. Речь не о тех болячках, что цепляются ко всем детям. Нормальные дети и не болели, насколько я знаю, той гадостью, что была опасна для меня. Их имунка не допускала эти болячки, а у меня таковой считай не было.

Я достал сигарету и закурил, говоря сквозь сжатые на ней губы:

– Короче, врачи сразу сказали отцу, что любая дрянь что пристанет ко мне, может оказаться фатальной.

– То есть?

– Я бы просто кони двинул. Конечная остановка – смерть – я усмехнулся, но Лора не смеялась – вот.. и папа очень переживал на этот счет. Он искал различные вакцины от этих болячек, для укрепления моего иммунитета. Сколько себя помню – мне постоянно что-то кололи. И вначале это помогало.

Я пожал плечами:

– А может, дело было просто в том, что меня не выпускали из дома и мне негде было подхватить их. Вакцины постоянно сменяли друг друга, пока папа не купил какую-то новую вакцину, которая раз и навсегда дарила мне долгожданную свободу от всех болячек. Тотально укрепляла иммунитет, создавая едва ли не с нуля – научный прорыв, чертовски дорогая дрянь, подозреваю, была и такая же редкая.

Я выдохнул дым от сигареты:

– Но когда я пошел в школу, то все равно заболел. Почти сразу подцепил что-то. Отец связывался с кем только мог, и в итоге пришел к выводу, что либо вакцина херня была, либо ей нужно было время действия и так далее. Но это уже не имело значения – я начал умирать.

– В смысле?

– В прямом. Я сгорал на глазах. Эта болячка – так и не знаю, что это – она начала убивать меня. Отец связывался со всеми научными центрами и лабораториями, обещал любые деньги и в итоге кто-то продал ему эту вакцину. Мне кажется, он достал ее где-то нелегально, возможно, это военные резервы страны. Так как на ней никогда не было никаких меток, свидетельствующих о регистрации и сертификации товара.

– Та капсула и была..

– Да, это мое лекарство. Она не могла вылечить меня – могла лишь «заморозить» развитие болячки, отравляющей мой организм. Типо, если положить мясо в морозилку – оно не стухнет, но стоит его вытащить оттуда, как процесс необратимо возобновиться. Эти инъекции – как моя личная морозилка. Замораживают и не дают мясу стухнуть.

– На какой срок?

– На 24 часа. Каждый раз у меня лишь сутки, но если вовремя ежедневно делать инъекцию, то все будет нормально. Все 10 лет отец стабильно поставлял мне этот раствор, но я понятия не имею, где и у кого его брать.

Я затянулся еще глубже, а Лора не перебивала меня, даже когда молчание затягивалось:

– Я решил узнать ее состав и отдал в лабораторию, чтобы мне сделали их, как говорится в Библии «по образу и подобию». Но они не смогли выявить ни одного компонента.

– Разве это возможно? Как минимум, везде есть вода.

– Видимо, возможно. Теперь. Они тоже удивились.

– И сколько у тебя осталось капсул?

А она быстро смекает.

– Одиннадцать.

– Получается, 11 дней.

– Чертовски верно.

– И что ты думаешь делать?

– Марк – мой друг, он сказал, что в лаборатории могут сделать мне эту партию, только если я сам дам им рецепт. Рецепта я, понятное дело, не знаю. Но подозреваю, что что-то об этом могут знать предки матери..

– Матери? – она нахмурилась – ты же говорил, что не знал свою мать?

Я равнодушно пожал плечами, выкинув окурок:

– Да, все так. Она сразу бросила нас, едва узнала о многочисленных проблемах со мной. Типо, ей не нужен был больной ребенок.

– Не хочу сказать ничего лишнего, но может твой отец так преподнес, а на деле..

– Нет, так было на деле – перебил я ее – потому что с детства и лет до 10, ко мне приходили ее предки. Мои бабушка и дедушка. Они интересовались мной, моей жизнью, раз в неделю были стабильными гостями. А когда я спрашивал про маму, про то, когда придет она – сначала они молчали. А потом, понуриив головы, сообщали, что мамаша не сильно-то интересуется моим здоровьем. Она никогда даже не пыталась увидеть меня.

– Мне жаль.

Я хмыкнул:

– Со временем и мне на нее стало плевать. Конечно, это не очень прикольно, когда у всех есть мамаша, а я сам такой один с отцом, но когда твой отец Стив Дьюэд, то это легко пережить. К тому же, сложно скучать по человеку, которого никогда не видел, не слышал и которому откровенно на тебя насрать.

Мы дошли до перекрестка и завернули направо, словно какая-то прогуливающаяся романтическая парочка из тупой комедии.

– Но дело не в ней. Дело в ее предках. Говорю, они навещали меня уже тогда, когда мне кололи эту вакцину. Уверен, с их участием, они наверняка что-то знали о ней. Либо – что это,

либо кто поставщик, может даже состав, я не знаю! – я всплеснул руками – но это единственная нитка, за которую я пока могу дернуть.

– И ты уже позвонил им?

– У меня нет их номера. Они приходили, но никогда не оставляли обратного адреса или телефона. Да и зачем он мне нужен был, если я и так видел их каждую неделю? У меня нет никаких данных – даже адреса.

– И как ты тогда дернешь за нитку?

– У меня есть бумажки. Мои. Генри отдал мне все их, когда отправлял. Уверен, он уже не рассчитывает вновь со мной когда-то встретиться.

– Генри?

– Тот самый дядя, что отжал все мое наследство, но это сейчас неважно. Короче, там в одной из них указано, что я родился в Чандлере.

– Здесь?

– Да, и отец и мать оба отсюда. Они познакомились здесь и только потом переехали. Родился я тоже здесь. Там был указан и роддом – я нахмурился – я не помню, какой. Не запомнил особо, но смогу найти эту бумажку. Думаю, если приду туда и дам пару сотен баксов, они поднимут архивы и смогут найти карту роженицы.

– Твоей матери?

– Да. У меня есть ее данные – указаны в карте. Есть число моего рождения – все это даст возможность очень быстро ее отыскать. А в картах всегда хранится адрес прописки. Еще пара купюр – и они дадут мне его. Адрес ее предков. Потому что прописались мои мать с отцом только в своем доме, когда переехали в ЛА. В Чандлере, значит, она была еще прописана у них.

Лора кивнула, вдруг став сосредоточенной и серьезной:

– Даже неожиданно, ты придумал идеальный план.

– Пока не идеальный.

– Почему?

– Мне еще надо впарить кому-то мак и айпад, чтобы у меня появились деньги, которыми я буду соблазнять пролетариат на разглашение адреса.

Тут лицо Лоры засияло.

– Подожди! Может и не надо будет.

– Почему?

– Узнай точно какой роддом и напиши мне.

– А в чем дело-то?

– Моя тетя работает в роддоме. На Гарисон-Стрит. Если вдруг судьба повернется лицом и выяснится, что ты был рожден там же, то она мне просто так все это найдет. Без всяких денег и уговоров. Возможно, скажет даже больше, чем тебе сказали бы за бабки.

Я усмехнулся:

– А, может, от тебя и правда будет толк.

-3-

На деле о бабушке и дедушке я знал до смешного мало.

По сути, мы общались довольно долго – лишь, когда мне было около десяти, они прекратили почему-то свои визиты, но до этого времени посещали стабильно раз в неделю. Но при всем этом я бы даже не смог сказать их имена – не знаю, говорили ли они их вообще, да и зачем. Я всегда их называл «ба» и «деда», и их вполне это устраивало. Я же для них был «наш милый Томми».

Какая все-таки ирония! Столько лет общаться с родственниками и даже не иметь понятия, об их именах, номерах и адресе.

Однако, понятное дело, я не рассказал Лоре все, что знал на самом деле. Уже придя домой, я решил, что даже сказанного ей оказалось слишком много для какой-то девчонки из Чандлера с сомнительной репутацией. Надо было сказать от силы о болезни, и что это вакцина от нее, а не пересказывать добрую часть своей жизни.

Делай вид, что доверяешь людям целиком и полностью – но никогда не делай этого на самом деле. Вот как говорил мой отец – поэтому он всегда нравился людям, пользовался любовью знакомых, женщин и друзей, но при этом его никто никогда не мог опрокинуть, потому что доподлинно о себе и своей жизни знал лишь он сам.

Ну и я.

Версия с матерью, точнее с ее уходом, была не совсем правдивая. То, что я сказал Лоре – скорее было псевдоофициальным заявлением, которое по умолчанию подтверждали бабушка с дедушкой, и то скорее переходя на другую тему.

И то, что я не интересовался матерью – тоже было кривление душой. Единственное, что я на этот счет сказал правдивое Лоре – это то, что к 10 годам мне уже стало на нее глубоко плевать, но привело к этому ни то, что я ее никогда не знал.

И не то, что она побоялась некоторой ответственности за больного ребенка. Не уверен, что я смог бы в свои 10 лет возненавидеть ее за то, что она не захотела нянчиться с моими болячками. Я был мальчишкой и сам тогда ненавидел свою постоянную уязвимость перед всякой дрянью, и не до конца одуплял, что мать – это немного другое. И ее должно было парить, а не пугать мое здоровье.

Но так или иначе – тогда этот фактор не стал бы ключевым.

Повлияло другое.

Я постоянно в детстве спрашивал у отца про мать. Он не сочинял мне ложные идиотские истории, как то любят делать мамы, а-ля «твой папочка улетел в космос» или «уплыл в далекое плавание». Ага, а потом пришвартовался у острова виски и шлюх. Так полмира отцов до сих пор плавают.

Нет, он сразу сказал мне, когда я начал уже сильно в четыре года докапываться до него с этим вопросом, что нужно подождать.

« – Зачем! Скажи, где мама! Она скучает по мне? Она придет?»

Губы отца сжались и он едва заметно мотнул головой, после чего присел предо мной на корточки.

– Послушай, Томми. Я обязательно расскажу тебе о твоей матери все, что только знаю сам, но когда ты станешь немного постарше. Думаю, так будет лучше, или ты хочешь услышать сказку про Королеву Цветов, которая отправилась назад в свое Королевство?

– А мама была Королевой?

Папа устало хмыкнул.

– Нет, сынок, твоя мать не была Королевой. Только если одной страны.

– Какой?

– Я обязательно расскажу тебе позже.

– Когда?

– Давай условимся на 8 лет, идет?

Я надулся и слезы обиды, смешанные с капризом, потекли по моим щекам. Я сжал плюшевого жирафа, который тогда был моей любимой игрушкой, еще крепче и прижал к себе:

– Это.. это еще ..

Сейчас бы я сказал, что тогда это было бы еще столько же, сколько я в принципе живу, но вычислять я еще не мог, потому лишь разрыдался еще сильнее:

– Это еще много! Очень много!

– Но зато ты хотя бы знаешь, чего тебе ждать. А это большая удача».

Но я не забыл к 8-ми годам.

Не знаю, может отец на это и делал ставку. Что к этому времени мой интерес к матери пропадет, или я перестану думать о том, где она и как она. Отчасти, он был прав – мое рвение потеряло быстрое возбуждение, но интерес остался.

И он исполнил обещание.

Тогда он и рассказал мне о том, что из-за моего здоровья мама покинула нас почти сразу же, едва я появился на свет. И едва ли она когда-нибудь вернется, чтобы подарить мне пончик да поболтать о супермене.

«Когда он уже глянул на свои часы и встал, я окликнул его. Мне было восемь, но мальчишки в классе рассказывали уже достаточно всяких интересных историй. Это были такие же богатенькие сынки и дочки, как и я, и почему-то их истории довольно отличались от моей.

Например, у Клэр отец ушел к более молодой любовнице, а матери отписал дом, чтобы разойтись мирно, без судовой дележки его капитала. И так далее, и так далее. Я подозревал, что отец что-то не договорил мне.

Что-то, поважнее причины моего здоровья.

Услышав мой оклик, он неохотно обернулся:

– Да, Том?

– Мама ушла только из моего здоровья? – я недоверчиво нахмурился – и не было больше никаких других причин?

Он уже открыл рот, чтобы согласиться, но заметив мой взгляд, передумал. Закрыв его. Получилось глупо – будто рыба на суше. Я стоял и ждал.

– А чем эти недоговоры, собственно, лучше сказок? – кажется, он буркнул себе сам под нос – то же самое, только более правдоподобное.

– Пап?

Он вновь глянул на меня.

– Нет, Томас, это была не единственная причина.

Кажется, он не особо хотел об этом говорить изначально, но и сейчас ему не вызывал рассказ никакой досады и огорчения. Кажется, он этот период давно пережевал и выплюнул.

– А какая была еще?

– Твоя мама была редкостная.. Королева – он как-то устало усмехнулся – Королева страны Легкодоступных Женщин. Знаешь, что это значит?

Шлюхи. Это я еще все в первом классе узнал.

Я послушно кивнул.

– Мама была из таких? Разве у нас не было денег?

– Не обязательно это делают за деньги, Том. Некоторые женщины так просто живут. Твоя мама любила отдыхать и радоваться жизни, веселиться и ни о чем не думать, понимаешь меня?

Я вновь кивнул.

– А когда родился ты, то появилось много хлопот, к которым она была не готова. Она думала, все дети рождаются здоровыми, прекрасными, и спят, едва уложишь их в кровать. Реальность ей не понравилась.

Он задумчиво почесал подбородок.

– Поначалу я не замечал, что она где-то пропадает, слишком был занят тобой.. Но у нее времени было предостаточно. Она нашла себе новую жизнь, в которой не было хлопот. И нового мужчину, которому не нужно было рожать больных детей и сюсюкаться с ними. Не уверен, может она и его кинула через год-другой, я не следил за ее жизнью.

– И значит, она никогда не вернется?

– Я думаю нет, сынок. Как бы это не было грустно, но ни ты, ни я уже тогда не вызывали в ней никаких чувств.

– Так виноват я или тот мужчина, которого она выбрала?

– Ты не виноват в любом случае в то, с каким здоровьем родился.

– Значит, мужчина?

Отец промолчал.

– Мама променяла нас на какого-то мужчину?

– Думаю, это лучше всего знает только она сама.

Это сильно задело меня тогда. Выходило, что бросила она нас даже не столько из-за моих болячек, сколько из-за того, что с другим мужчиной ей было более весело жить. Выходит, он ей был интереснее, чем мы.

Интереснее, чем я.

До сих пор, если она так и не интересовалась мной.

Но при этом я был благодарен отцу, что он рассказал мне всю правду, совсем как взрослому. Хотя правда мне и не понравилась, я был горд, что он посчитал меня достаточно взрослым, чтобы ее услышать.

– Только не говори об этом бабушке с дедушкой – добавил он напоследок – не думаю, что им это понравится. Они сами не в восторге от твоей матери, но если мы хотим поддерживать с ними отношения, не надо топтаться по их мозоли.

– А у них есть мозоль?

– Да. Их дочь».

По факту, моя мать оказалась шлюхой, жадной до денег. Пока они с отцом тусили на его состояние – она и рада была. А как появился весь такой я, совсем не вписывающийся в ее насыщенную светскую жизнь, так она нашла другого мужика с деньгами.

Кто рядом – для нее не имеет значения.

Главное, чтобы кредитка была платиновая.

Потому логично, что после этого рассказа меня довольно скоро перестала занимать эта тема. Я больше не грезил, что однажды отправлюсь на ее поиски, или как крутой парень из боевиков, найду детектива и отслежу где она, чтобы потом эффектно появиться и сказать «мама, вот он я, твой сын».

Я сложил о ней достаточно определенное мнение, хоть мне было и восемь.

И за все девять лет оно лишь слегка обыгрывалось, но никак не менялось. Однако, эту часть правды Лоре точно было знать не обязательно. Оно не влияло на мою вакцину, ее состав или что-то, из-за чего я ей в принципе кое-что рассказал.

– Ну, где же ты, твою мать.. – чертыхнулся я, отбрасывая в сторону ненужные листы.

Я сидел в центре своей комнаты, уже окруженной кипой всякого бумажного дерьма, но все никак не мог найти нужную бумажку. Я помнил, что она была среди тех, что дал мне Генри, я помнил, как она выглядела и все в этом роде, но теперь она словно провалилась сквозь землю.

А без нее поиски будут тщетны. Да, я нашел бумажку с данными о роддоме, но я не помню данных матери, бабушки и деда. Нужны хотя бы имя и фамилия.

Я по второму кругу начал их ворошить и, наконец, показался серый уголок заветного бланка.

Мое свидетельство о рождении.

Ага, я, урожденный Томас Эндрю Дьюэд, мой папаша Стивен Дьюэд.. мать Сабрина Тэссет-Дьюэд.

– Да.. – я усмехнулся, потрясая свидетельством в воздухе, и встал с пола – да!

Я отшвырнул ногой остальные бумаги, намереваясь позже их лишь сбросить в одну большую бумажную кучу, но точно не раскладывать тщательными категориями, какими передал мне дядя Генри.

Это сложно и нахрен никому не нужно.

Я набрал Лору. Два гудка и она сняла трубку.

– Ало – я самодовольно хмыкнул – есть, у меня все есть. Мою мать звали Сабрина Тэссет-Дьюэд. Но родила она меня на Беверли-Роуд.

– Черт!

Молчание.

– Я спрошу у тети – наконец, заговорила Лора – может, можно как-то поднять архив одного роддома с другого.. через общую базу или как там у них устроено..

– Давай.

– Я тебе перезвоню.

-4-

10 капсул.

Ровно столько у меня осталось в кейсе после того, как я утром вытащил еще одну, кинув вместе со шприцом в школьный портфель.

Десять дней, если вычеркнуть этот.

Вообще-то много.

Очень даже неплохо, если сильно огрубить, то фактически две недели. Довольно приличный срок. Как сказал бы отец – за это время можно успеть подготовить экспедицию для освоения Марса.

Лора вчера перезвонила и сообщила, типо архивы с одной больницы в другую поднять нельзя, потому что у каждого какой-то личный код идентификации и бла-бла-бла, но когда она упомянула тетке о роддоме на Беверли-Роуд, выяснилось, что там заправляет ее подруга.

И не просто санитарка или медсестра, а типо глав врача или что-то в этом роде. В общем она согласилась нам помочь, но понятное дело, идти придется с Лори. Мне просто так никто ничего не скажет, даже если я трижды назову ее имя.

Вот ведь странный город.

Имя Лори что-то решает, а на фамилию Дьюэд всем насрать. Чандлер – словно обособленный автономный от Америки городок, придерживающийся собственных ценностей и идиологов.

Когда я подошел к своему шкафчику в школе, то нашел его открытым. Открыт он был как-то грубо, замок выломан, и очевидно никто даже не пытался его вскрыть. Просто кто сильный, но тупой, его дернул.

Под эту категорию подходило много людей, но я был уверен, что это Брайс. Или Крис по его наущению.

Я осторожно заглянул внутрь, отодвинув дверку телефоном. Обычно, если ящики взламывали – то для чего-то. Подкинуть дохлую крысу, или испачкать дверку в прозрачном моментальном клее или еще какая херня.

Но видимо интеллект этого придурка и правда был весьма ограничен. Дверка просто была взломана, раскурочено, но все мои пожитки лежали на своих местах, и ничего нового тоже не было. Я потратил пару минут, чтобы через футболку ощупать саму дверцу (не хотелось к ней приклеится), но ничего не обнаружил.

– Какого черта ты делаешь? – Лора изумленно вскинула брови.

Как раз в этот момент я встал на цыпочки и задрал футболку до ребер, чтобы суметь обтянуть ею руку и изучить дверцу.

– Мою шкаф, не видишь что ли – отозвался я, и одернул футболку – генеральная уборка. Вы так не делаете? У нас в лицее каждую среду ученики своей одеждой вытирали шкафчики.

– Сегодня четверг.

– По четвергам тоже бывало – отмахнулся я.

– Если бы у тебя был пресс, я бы решила, что ты решил покичиться перед девчонками, но с твоими впавшими боками и выпирающими ребрами, подозреваю, что ты хотел показаться жалким и бедным, чтобы тебя больше не били?

– Ха-ха –я закатил глаза и показал ей средний палец.

Достал из шкафчика ручку и тетрадь.

– Серьезно, что ты делал?

– Неважно.

– Ладно – она отмахнулась и облокотилась на соседний шкафчик – в общем, сегодня придется слинять с последнего урока.

– Я только за – равнодушно бросил я.

– Ты даже не спросил зачем.

– Я всегда «за» свалить отсюда. Мне и причин не надо.

Теперь она закатила глаза.

– Короче, пойдем в тот роддом. Но это займет какое-то время и меня может хватится отчим. Поэтому придется это время взять с экономики.

– Окей – протянул я, и на автомате хотел закрыть шкафчик, но лишь наткнулся на выбитый замок.

Лора хмыкнула:

– Теперь понятно.

– Романтика Чандлера – пояснил я – думаю, это мой тайный воздыхатель. Привлекает внимание, чтобы в один день объявится и сказать «это все сделал я».

– А, типо как раскиданные розочки, и валентинки от анонима, а потом это один и тот же чувак?

– Ага.

Она вновь глянула на дверцу моего шкафа и рассмеялась:

– Думаю, у твоего анонима очень сильные чувства.

– Не завидуй. У тебя вон шкафчик даже без надписей, фу. А у меня целый замок выбили.

Вот что значит популярность.

Так вышло, что последний урок как раз выпал на полдень. Удобно, я сделал инъекцию и после этого мы могли идти, не озираясь на время. Лет так в 14 я хотел делать уколы в лицо публично, не протирая спиртом и так далее, а прямо в шею, не моргнув. Как крутые парни, типо Сталлоне и Дизеля. Но отец быстро сообщил, что так делать нельзя. Мол, он публичный человек и бла-бла, зачем прессе давать повод для сплетен про сына-наркомана.

Короче, не суждено мне было выглядеть плохим пафосным парнем. Хотя, полагаю, мне было бы достаточно один раз попасть иголкой в нерв, раскричаться и на этом весь мой фарс быстро бы закончился.

Однако, когда перед уходом со школы мы подошли к моему шкафчику, чтобы закинуть туда школьные шмотки, меня там уже ждал сюрприз. Целый кулек конфет.

Я не удержался и рассмеялся. Гоготал, пока живот не заболел – а Лора повисла на бедной дверки и хрюкала от смеха. Полагаю, мои воздыхатели ожидали совсем другой реакции, я же типо диабетик, но мне было смешно до чертиков.

Наконец, я вытащил кулек конфет. Оказалось, с тыльной стороны на нем была записка знакомым размашистым почерком: «Кушать подано, пидор». И злорадная рожица.

Я повернулся и пафосно поклонился в пол настолько низко, насколько мог, после чего вручил кулек Лоре, которая тут же вытащила оттуда пару конфет и засунула себя за щеки.

Удивительно, что ее не разнесло при такой любви к сладкому.

Большинство учеников в коридоре посмотрела на меня удивительно. Словно на местного сумасшедшего. Уверена, часть еще и решила, что я под дозой. Но была парочка, включая двух огромных амбалов, которые раздраженно сжали челюсти.

– Пошли давай – с набитым ртом заявила Лора – у нас мало времени.

– Камон, у нас целый урок.

– Думаешь, архивы – это быстро?

- Ну это же не стеллажи макулатуры.
- В компе найти что-то тоже не так легко.
- Это с каких пор?
- С таких, как подружке моей тетки скоро будет юбилей.
- Надеюсь, не полтинник?
- Нет.
- Тогда прорвемся.
- Шестьдесят.
- Я изогнул бровь.
- Шутишь.
- Нет. Ей шестьдесят, она на «вы» с техникой, а скорость ее работы равна ленивцу из

Зверополиса.

Я хлопнул себя ладонью по лицу.

– Твою мать.

Лора кивнула и вытащила из кармана какую-то небольшую баночку, вытряхнув оттуда две таблетки, после чего протянула ее мне:

– Будешь?

– Что это?

– Успокоительное.

– Обойдусь.

– А, забыла сказать, она еще текст на компе набирает по одной букве одним пальцем, прежде ища ее минут десять. И легко отвлекается на любые темы, это просто жесть.

Я схватил у нее из рук баночку и высыпал не меньше дюжины на руку. Лора рассмеялась.

– Твоя тетка не могла найти в помощники кого-нибудь помоложе?

– Если что, вариант продать мак с айпадом все еще у тебя в кармане – резонно заметила она – но зная менталитет людей +40 в нашем городке, это тебе не сильно поможет.

-5-

Я впервые видел роддом, в котором родился. У отца не сохранились фотки с того дня, когда он нас с матерью отсюда забирал, или они их не делали в принципе. Короче, в нашем семейном альбоме ничего, связанного с ней, не было. Включая фоток с роддома, хотя обычно их делает каждый при рождении первенца. Это уже на второго-третьего ребенка обычно забивают, но с первым снимают каждый шаг.

Видимо, я был настолько больным, что было не до фоток.

Это было облупленное здание, мало притягательное, и даже в тот момент, когда пришли мы – перед клумбой стоял какой-то мужик со скудным веником, высоко задрал голову вверх, очевидно, высматривая этаж 4-5 и все орал, как полоумный:

– Роза, я люблю тебя! Спасибо за сына!

Вход находился правее, потому нам пришлось пройти мимо и я не удержался:

– Родила сына?

– Нет – однако, он сиял – но УЗИ показало, что будет мальчик! Вот рожает! – и вновь так громко, что я зажмурился – РОЗА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! СПАСИБО ЗА СЫНА!

Уже подойдя ко входу с Лорой, я злорадно усмехнулся.

– Ты че?

– Да просто представил, как его жена высовывается с окна и кричит «милый, у нас дочка!». Черт, я бы дал за это пару баксов, чтобы посмотреть.

Я еще раз обернулся.

– Может останемся? Долго обычно рожают?

Лора закатила глаза.

– Пошли уже, а. Ты стебаться над людьми пришел, или тебе все-таки нужна твоя вакцина?

Когда мы зашли внутрь, Лора устремилась прямо и так ловко поворачивала, где надо, что я задался вопросом, а первый ли она здесь вообще раз, о чем в итоге и спросил.

– Все роддомы планировкой здесь похожи, как двойники – пожалала она плечами – тетка объяснила на своем, как пройти. Просто повторяю маршрут.

Несмотря на то, что это был роддом, а не отделение экстренной помощи, почти все лавки были забиты. Пузатые женщины, будто их гелем надули, с недовольными лицами, озлобленно глядящие на все вокруг, гладящие свой живот и вытянувшие ноги через проход на метр вперед.

За одну из них Лора нечаянно запнулась.

– Извините – тут же бросила она, но женщина нахмурилась, приняв вид безумного шимпанзе на спаривании.

– Смотри, куда идешь! Господи – она обернулась к своей соседке и, попирая всякий такт, ткнула на нас пальцем – ты посмотри какие молодые, а уже здесь! Что, позлетели ваши подружки, да?

Я прижал кулак ко рту, стараясь выдать смех за кашель, а Лора сжала губы. Видимо, даже голос ее не спас. Надо будет научить говорить мягко, чтобы хоть что-то выдавало ее гендерную принадлежность к роду Евы.

– Срамище – подтвердила вторая, но о чем они болтали дальше, я уже не услышал. Лора рванула вперед, словно на доп топливе. И остановилась только перед дверью с заламинированной табличкой:

«Главный Врач
Шелдон Нора»

– Это она.

– Да, я понял – я все еще веселился от того, что произошло в коридоре. Видимо, голос меня выдал и, не поворачиваясь, Лора со всей дури заехала мне локтем под ребра. Я шумно выпустил воздух, но проговорил:

– Вот теперь точно нет сомнений, что ты рождена парнем. Тебе кто-то что-то не договаривает, Лоран.

– Лоран? – фыркнула она.

– Да, мужское английское имя.

– Катись ты к черту – она толкнула дверь и вошла, не дожидаясь меня.

Я зашел следом, лениво прикрыв за собой дверь и насвистывая на манер песенки из «убить Билла». Свистеть у меня получалось поганно, но эту мелодию я смог довести до совершенства.

– Не свисти в кабинете – сухощавый грозный голос заставил меня замолчать – денег не будет.

Я усмехнулся:

– У меня их и так нет. Наверное, виноват свист. Я постоянно свистел в доме.

Лора закатила глаза, но Нора, разумеется, не поняла моего сарказма и удовлетворительно кивнула:

– Именно. Думаете, приметы просто так придумываются? Это советы, умудренные опытом. Вот вам и доказательство.

– И не поспоришь – согласился я и Лора уже вновь хотела толкнуть меня локтем, но я ловко перехватил ее руку и вернул на место.

Краем глаза заметил, как от этого элементарного жеста покраснели ее уши. Она же встречалась с Брайсом – или в этом она тоже мне насела, а я повелся? Сложно поверить, что девчонка, когда-то тусующаяся с Брайсом, краснеет от обычного перехвата руки. Сделанного за тем, чтобы не отхватить как следует от нее в очередной раз.

Но это занимало меня сейчас меньше всего.

Я сделал шаг вперед и вальяжно упал на стул по эту сторону большого стола, заваленного какими-то папками. Лора садится не стала – облокотилась краешками пальцев о стол, как бы мягко очертя границы.

Мужской жест, демонстрирующий территорию личного пространства.

Может, про отчима это опять бред? Может, на деле она просто томбой? Тогда все сходится.

Нора оказалась именно такой, как я себе представлял, когда Лора (Н-Л) описала мне ее способности во взаимодействии с техникой. Это была низенькая, но крайне крупная по всем аспектам женщина (старушка?), что усердно замазывала свою старость дешевой яркой косметикой, думая, что она делала ее моложе. На деле просто «благородная старость» превращалась в «старую шлюху». Ну, если ей нравится – бога ради. Мне вот нравится получить от нее сведения о предках матери, потому я склонился над столом, сократив и без того малое расстояние между нами:

– Лора сказала, что вы можете мне кое в чем помочь.

– Да, Жанни объяснила вкратце, что вам надо.

– Моя тетя – вставила Лори как бы нам обоим, но мы оба пропустили это мимо ушей.

– Как ее звали и когда она здесь родила?

Я приторно улыбнулся (как папаша, уламывая партнеров на очередную сделку, выгодную лишь одной стороне) и достал из кармана джинс два документа:

– Вот. Это бланк о том, в каком роддоме лежала. А это мое свидетельство. Ее имя, ну и дата.. – я провел пальцем, но Нора даже не глянула, уставившись в монитор.

Ясно.

Я взял бумагу в руку и продиктовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.